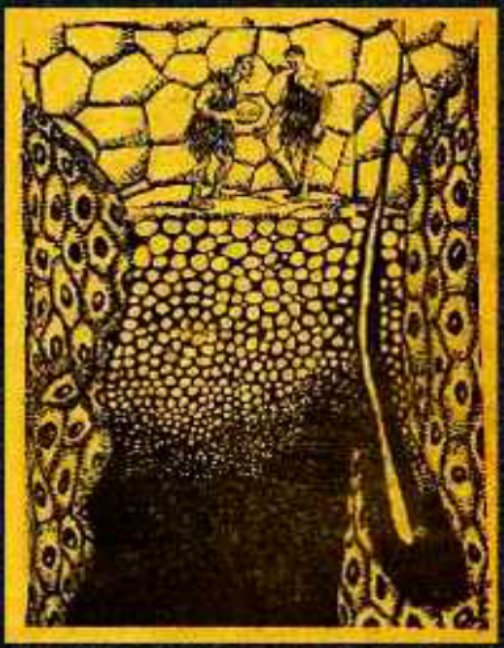
[Polaris]

В. Гончаров



ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОКТОРА Скальпеля и фабзавука Николки в мире малых величин

Приключения в микромире

Том II

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гигантские пауки и крошечные люди, кровопролитные битвы муравьев, отчаянные сражения микробов, путешествия внутри человеческого тела и невообразимые вселенные, заключенные в атомах — проникновение в микромир издавна было заветной мечтой фантастов.

Повесть В. А. Гончарова публикуется по первому изданию (М-Л.: Молодая гвардия, 1924) с исправлением очевидных опечаток, а также некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Иллюстрации взяты из указанного издания.

Повесть загадочного В. Гончарова, одного из самых заметных советских фантастов 1920-х гг., продолжает в серии «Polaris» публикацию забытых и редких произведений, объединенных общей темой «приключений в микромире».

- Содержание
  -
  - 1. — Действие толстых книг. — Друзья Вано и Николка. — Врач Скальпель. — «Физиологический опыт». — Непредвиденные опасности. — Встреча с туберкулезными палочками
  - 2. — Вано Сванидзе — источник электромагнитных волн. — Одеяльный «ландшафт». — Падающие «звезды». — Николка читает мысли Вано. — О психо-радиациях. — Друзья ссорятся. — Сюрприз из воздуха. — Обитатели испорченного мяса. — Амеба проглотила Николку. — Чудовищное побоище. — Друзья избавляются от двух опасностей
  - 3. — Утро. — Приятели завтракали подле сахарных и хлебных гор. — Вано занимается гимнастикой. — Буря. — Приключение с воздушным шаром. — Новые знакомцы. — Слизевое озеро. — Безвыходное положение. — Муха — неожиданная спасительница. — В новый мир!.
  - 4. — Продолжение путешествия на мухе. — На чайном столе. — Мухи испускают электромагнитные волны. — Беседа мух. — Нравоучительная история с солнечным лучом и бактериями. — Несчастье с холерным вибрионом. — Опять в воздухе — «без руля и без ветрил». — Новый экипаж. — Воздушная авария
  - 5. — В болоте. — Приятели уподобились библейскому Ионе. — Зоология простейших. — Николка приходит в

ярость из-за дизентерийной амебы. — Скальпель говорит о гидре, проникается кровожадностью и порождает большие следствия. — На усике комара. — О малярии и капиталистическом режиме. — Скальпель декламирует. — Самка малярийного комара кладет яички

- 6. — На губе у деда. — Дед заражается малярией. — «Умный» комар оправдывает доверие Скальпеля. — Убежище на оштукатуренной стене. — : Посадка малярийного и обыкновенного комара. — Воздушный шторм. — Скальпель делает предположение, что они попали на вулкан. — Сон Николки — сон в руку. — Ночной гость. — Бежим! — Как обрушилось «небо» и что из этого вышло
- 7. — Скальпель благодушествует и немного недоумевает. — Встреча со спириллой открывает глаза на загадочный мир. — Николка подслушивает индукцию врача. — Врач ведет самостоятельное исследование и попадает в яму. — Приятели в сальном протоке. — Николка по милости врача становится людоедом. — Хозяин проснулся!.
- 8. — Повторение воздушного трюка. — Бамбуковые заросли. — Экскурсия врача к предкам человека. — Канал потовой железы. — Хозяин гимнастирует. — Скальпель говорит о значении потовых желез. — Николка отравляется углекислотой. — Врач исполняет анекдот в лицах. — Холодный душ. — Последнее пророчество врача. — Встреча с лейкоцитом в потовом канале. — Неравная борьба. — Конец путешествия. — Умилительная картина

Содержание

В. А. Гончаров
Приключения доктора Скальпеля и фабзавука Николки в мире малых величин: Микробиологическая шутка. Приключения в микромире. Том II

1. — Действие толстых книг. — Друзья Вано и Николка. — Врач Скальпель. — «Физиологический опыт». — Непредвиденные опасности. — Встреча с туберкулезными палочками

Изучать ряд наук
— Тяжкий труд!..
Книгу взял фабзавук
Весом в пуд,
Но осилить не мог
И теперь занемог,
И лежит он без ног
И без рук…

Это над фабзавуком Николкой Даниленко, в полном бессилии распластавшимся на койке, потешался добродушно его товарищ по комнате и училищу Вано Сванидзе, распевая на мотив из «Иванова Павла» только что сочиненную песенку.

Песенка как нельзя более соответствовала истине. Даниленко, действительно, лежал «без ног и без рук», а рядом с ним на столике покоилась виновница его бессилия — толстая книга «Анатомия и физиология человека».

Сокрушать молодыми зубами гранит науки — не такое уж легкое дело! Это хорошо познали оба приятеля за два года своего пребывания в заводском училище. А еще совершенней познал это любознательный Николка, который, кроме своего токарного дела, упрямо совал нос во все другие «дела»… В особенности, если они излагались в толстых книгах. К толстым книгам Николка испытывал сильнейшее тяготение, объясняя последнее законом Ньютона (недаром учился в фабзавуче!), по которому, чем больше масса тела, тем сильнее оно притягивает к себе другие тела…

Неделю назад заводской врач Скальпель начал читать лекции по гигиене и неосторожно сказал, что, мол, без знания анатомии и физиологии человека нельзя получить больших знаний по его предмету, так как для всякой постройки необходим фундамент, а фундаментом к гигиене служит учение о строении и отправлениях человеческого организма; сам он все же стал

возводить без фундамента свою постройку в молодых умах слушателей, потому что администрация училища не смогла предоставить ему дополнительных лекционных часов.

Как только Даниленко Николка услышал резонное замечание врача, он так же резонно решил в уме своем:

«Даешь анатомию!»

И после первой же лекции, отправившись к Скальпелю на квартиру, потребовал у него — мягко, но настойчиво — дать ему соответствующий учебник, чтобы который потолще…

Скальпель нашел требование забавным, посмеялся, но учебник дал. — Только, — говорит, — без руководителя вам будет очень трудно, и, пожалуй… вы очень мало здесь поймете…

— Ну, это мы увидим! — кратко ответствовал упрямый Николка и, крепко зажав «мудреную» книгу под мышкой, так же крепко порешил, назло Скальпелю: учебник одолеть и доказать, что горшки обжигают не боги…

Вернулся домой, мужественно перенес насмешки товарища по комнате и по цеху — Вано, и все свободные минуты стал отдавать «дьявольской книжище», как он окрестил с первой же страницы злополучный учебник… Между ним и учебником вначале происходили форменные сражения… Каждая страница давалась с бою… Но помня твердо завет товарища Троцкого, Николка храбро вел наступление и так крепко «грыз гранит науки», что в первые же два дня похудел и осунулся, как после болезни…

На третий день Николку посетил врач и сильно удивился при виде «завоеванных позиций»… Страниц сорок, самых трудных начальных страниц, Николка отхватал без всякой помощи…

— Да вы, батенька мой, — сказал Скальпель, — видать, не в шутку занялись «человеком»…

— Хороша шутка, — проворчал Николка, — я даже во сне вижу кишки да всякие там брыжейки…

Доктор заинтересовался настойчивым учеником и стал часто захаживать к нему, давая свои объяснения и помогая преодолевать трудные места. Николке это сначала не нравилось, ввиду его намерения — вполне самостоятельно разделаться с «дьявольской книжищей». Но так как врач, кроме «человека», знал еще много интересных вещей и умел просто и захватывающе рассказывать о них, — к концу недели Николка, Вано и Скальпель сделались большими друзьями.

Скоро с анатомией покончили. Николка принялся за физиологию; эта оказалась еще более «дьявольской» и, как нарочно, врач перестал ходить… Заболел, что ли, или надоело, — Николка не знал; но факт таков, что ему пришлось уже без всякой

помощи справляться со второй половиной книги.

И уже физиология подходила к концу, а врача все еще не было. В результате мудреная книга все-таки была разбита по всем направлениям. Но и голова читателя сильно поплатилась… В ней стоял порядочный-таки сумбур…

Как раз в тот момент вернулся Вано из театра. Увидев друга в положении полной «развинченности» и сравнив его, по профессиональной привычке, с «динамой в ремонте», Вано вдохновился всклокоченными волосами, воспаленными глазами и горячечным румянцем приятеля. Плодом вдохновения явилось стихотворение. Пропев его над распластанным телом друга не меньше трех раз, Вано глубокомысленно заметил:

— Это пойдет в стенную газету… Хорошо написано…

И сел писать следующее. Он был в ударе, поэтому Николка, не успев заснуть, через пять минут принужден был выслушать новое творчество, уже на мотив «Ах вы, сени, мои сени»…

Ах, вы книги, мои книги,
Мне читать вас не фасон:
Вместо строчек видишь фиги
И впадаешь в крепкий сон…
Я — Даниленко Николка,
Знаменитый фабзавук, —
Проглотил я, но без толка,
Черти, сколько книжных штук…
Но строенья человека
Так-таки не одолел!..
Ах, несчастный я калека,
Значит, лоби мало ел!..
— Ну, как? А? Знатно?..
В ответ — ровное сопенье.

— Черт возьми, да ты спишь? — В вопросе Вано прозвучало задетое за живое авторское самолюбие. — Притворяешься, черт?

Но Николка не притворялся: под мелодичную песенку друга он, действительно, сладко заснул.

— Скот! — возмутился Вано, — а я-то мечу перед ним бисер!.. Ну, да ладно… Завтра в газете прочтешь заново…

Успокоив себя, Вано накинул пальто и через минуту храбро шагал в осенних сумерках по лужам, держа направление на светящееся окно редакции стенной газеты.

— Эй, граждане! Жив кто-нибудь?.. — Врач беспомощно шарил в прихожей по стенам.

— Надо проснуться, — думал Николка, но вместо этого

выпустил через нос звонкое мурлыканье и продолжал нежиться в дремоте.

Скальпель, наконец, проник в комнату, сквозь сумрак увидал растянувшегося на койке, вернее, почувствовал жизнь, и в изумлении воскликнул:

— Вот так фунт! Люди добрые в клубе сидят, а он спать завалился!.. Милый человек, да ведь еще куры на насест не сели!.. Как же это так, а?

Даниленко открыл глаза, виновато заулыбался, но встать — не встал, а лишь сонно пробормотал:

— Это все физиология! Я б так не заснул… Трудная, черт!..

— А-а, вы физиологией занимались!.. Великолепно… Так-так-так…

Врач нащупал на стене выключатель и зажег свет.

— Так вы физиологией занимались? Очень хорошо. Кстати, я вам один физиологический опыт покажу… Ничего, ничего, лежите!.. Дайте-ка только руку… Вот так!..

Д-р Скальпель сел на стул рядом с койкой, взял Николку за руку и, остро глядя ему в глаза, сказал:

— Смотрите на меня прямо и ничего не бойтесь…

Даниленко недоверчиво улыбался. «Фокус, что ли»? — хотел сказать и вдруг с ужасом заметил, что врач начал быстро уменьшаться в размерах, таял как льдинка под лучами солнца.

— В чем дело?!.. — вскочил Николка на койке и отметил с еще большим ужасом, что и он сам подвергся тому же процессу: его ноги перестали доставать пол…

Скальпель смеялся:

— Говорю вам, не бойтесь! Это только — простой физиологический опыт… — Сам он уже сидел на стуле с ногами, был ростом с 5-летнего ребенка и говорил тонким-тонким голосом. Однако, Николка слышал его великолепно, и многое другое стал слышать, чего раньше совсем не знал: под полом с оглушительным писком ворочались мыши, мухи, летая в воздухе, отчаянно громко жужжали; шум улицы претворился в невозможный гам, будто там случилось что-то необыкновенное…

Врач сделался ростом с годовалого ребенка, громко смеясь, перепрыгнул со стула на койку — без сапог, штанов и гимнастерки — нагишом: вся одежда упала с него на пол. Он продолжал крепко держать Николку за руку.

— Простой опыт и больше ничего… Сбросьте с себя одежду, она нам будет только мешать…

— Хорош — опыт, черт подери! — стуча зубами, бормотал Николка, следуя совету врача. Его пугал все увеличивающийся и увеличивающийся шум: и в комнате, и в подполье, и на чердаке, и

на улице, — кругом гудело, шипело, стучало, лязгало.

— Что это? — спросил он.

— С уменьшением тела обостряется наш слух, — ответил врач, — мы начинаем улавливать звуковые волны высокого напряжения… Ничего, дальше будет хуже…

— Что будет дальше? — спросил, встревожившись еще более, Николка. Ему уже казалось, что хуже быть ничего не может.

В ответ последовала загадочная улыбка.

Их размеры через минуту достигли размеров двухнедельных котят, и койка стала казаться порядочной площадью.

— Недоставало, чтобы мы еще замяукали, — опасливо сказал Николка, но не получил никакого ответа, так как Скальпель с беспокойством поглядывал наверх.

— В чем дело? — задал новый вопрос Николка.

— Гм… Мы, кажется, не приняли во внимание одного обстоятельства…

— Какого же это?

— Да вы не пугайтесь… Ничего особенного, только… видите вы, что делается в воздухе?

Николка давно обратил внимание на воздух: в нем варилась какая-то каша.

— Это — пыль, — пояснил врач. — Мы раньше ее не замечали… Теперь… Гм…

— Что теперь? Ну, говорите же!..

— Вы волнуетесь? Не надо. Ничего страшного нет… Только… когда мы уменьшимся еще более, эта пыль обратится в громадные камни… Видите, как она сейчас оседает на одеяло?..

Оседала она, действительно, весьма стремительно. Это не сулило ничего приятного.

— Ну, так прекратите свой опыт, — предложил Николка.

Врач невозмутимо дернул головой:

— Теперь невозможно. Надо произвести до конца его.

Николка посмотрел пристально на Скальпеля, посмотрел на падающие из воздуха камни и на то, что шерсть одеяла стала доходить до колен.

— А ну вас к черту! — сказал он. — Вас не поймешь, не то вы шутите, не то всерьез говорите… Да плевать я хотел на вашу пыль!.. Что вы, в самом деле, запугать меня, что ли, хотите?..

Скальпель загадочно улыбался.

«Как во сне», подумал Николка и вдруг наполнился беспечной отвагой. Вырвал руку и пустился бежать, перескакивая через препятствия из шерстяных волокон, причудливо сцепившихся друг с другом.

— А ну, догоняйте!..

Скальпель, падая ежеминутно по причине своей близорукости и громко смеясь, пустился в преследование…

Остановились, запыхавшись, и оглянулись, продолжая болтать и смеяться.

Комната раздалась вширь и в высоту до невероятных размеров и казалась постройкой гигантов; электрическая лампочка мерцала в недосягаемой выси, «на небе», — пошутил врач; звуки, до сих пор раздражавшие слух, куда-то скрылись, вместо них появились новые: мелодичный звон, дрожание переливами, непрерывное клокотание.

— Наши уши уже перестали воспринимать доступные простым смертным звуковые колебания, — сказал врач, — мы слышим сейчас, приблизительно, как мухи..

Через несколько минут шерстяное одеяло претворилось в громадную степь. А еще немного спустя — это была уже не степь, а дремучий лес с вековыми деревьями в несколько обхватов, полутемный и кишащий странными животными. Врачу и Николке то и дело приходилось делать по несколько шагов навстречу друг к другу, так как их размеры сокращались все более и более, и грозила опасность потеряться среди бурных зарослей. Собственно говоря, они уже не замечали своего уменьшения. Не было привычной обстановки, с которой можно было бы сравнивать свой рост. Теперь казалось, что уменьшаются не они, а растут грандиозно окружающие их безлистные деревья.

— Н-да… темновато… — процедил врач.

— Вообще… — мотнул неодобрительно головой его спутник.

Хотя громадные шерстяные стволы были лишены кроны, расщепляясь лишь на самых верхушках на три-четыре меньших ствола, и голыми черными силуэтами маячили над головами двух затерявшихся среди них человечков, совсем не закрывая от них «неба», — в шерстяном бору царил полумрак. Электрической лампочки не было видно, и даже никакого зарева не намечалось вместо нее. Теперь светился сам воздух, волнообразно колеблясь; светились все предметы, испуская непохожий на обыкновенный свет. И все-таки было темно из-за густоты «растительности».

— Мы уже не можем воспринимать обыкновенных световых волн, — пояснил врач, — а все это свечение зависит от электрических волн, а может и еще каких, науке неизвестных… — Николка молчал, подавленный необычной картиной.

Они с трудом пробивались сквозь гущу шерстяных кустарников, отскакивая на каждом шагу от того или другого чудовища — безглазого и неопределенных размеров, но слишком определенно выражавшего свои намерения.

— Однако, — произнес врач, — вы, тов. Даниленко,

давненько, должно быть, не вытряхивали своего одеяла… Сколько в нем мерзости всякой накопилось…

…в шерстяном бору царил полумрак.

Николка чистосердечно признался, что за «недосугом» одеяло, пожалуй, месяца три не подвергалось никакой чистке…

Между тем, рост обоих путников перестал уменьшаться,

вернее, дремучий бор перестал расти.

— Ну-с, — отметил врач, — мы достигли с вами предельных величин… Знаете ли вы, что мы сейчас мельче тех пылинок, которые бывают видны в солнечном луче?..

— Тогда, — с облегчением возразил Николка, — и все эти звери — существа микроскопические?..

— Конечно. Нормальный человек никогда не увидит их простым глазом…

Приятели продвигались по «девственной» чаще, держась за руки и беседуя шепотом из боязни потревожить многочисленных обитателей одеяла.

— И что же, — с ужасом воскликнул Николка, — все это зверье вызывает у человека болезни?!..

— Нет, мой друг, — успокоил врач, — все эти страшные бесформенные животные — простые одноклеточные организмы, существа в большей своей массе для человечества безобидные; нас, правда, сейчас они могут проглотить… А вот те, — добавил он, указывая на два изогнутых бревна, приютившихся под стволом громадного шерстяного волоса, — те для нас с вами нисколько не опасны, а человечеству приносят невероятный вред…

— Ишь ты! — недоверчиво произнес Николка, подходя к бревнам и безо всякого уважения ковыряя их пальцем. — Что же это за штуки?

— Это — знаменитые «палочки», вызывающие у человека туберкулез…

— Туберкулез?! — отскочил Николка, сразу проникаясь к «бревнам» должными чувствами. — Черт возьми, я не знал!..

— Не пугайтесь, — сказал Скальпель, усаживаясь на одно из бревен и знаком предлагая собеседнику сесть рядом. — Уверяю вас, нам эти «палочки» не страшны. Они попали в неподходящую среду, слишком сухую и лишенную питательных веществ; теперь они находятся в состоянии глубокой спячки…

— А как проснутся? — все еще беспокоился Николка.

— Не проснутся! Для этого надо, чтобы они попали в ранку на коже человека или в его легкие, или в кишечник…

— Как могут они туда попасть? — изумился Николка, сравнивая свою небольшую руку с размерами туберкулезных палочек.

— Вы, мой друг, — улыбнулся врач, — все забываете про наше особенное положение в сравнении с остальными людьми. Мы ведь невидимые глазом существа, и туберкулезная палочка для обыкновенного человека тоже совершенно невидима. Только в микроскоп ее можно увидать…

— Тогда — другое дело, — согласился Николка.

— Ну, так вот, — продолжал врач, небрежно и несколько демонстративно разваливаясь на своем ложе, — если это «бревнышко» попадет на поврежденную кожу человека, оно может вызвать у него кожный туберкулез — язвы, долго не заживающие… Если попадет в легкие — на сцену может появиться чахотка; в кишечнике же «палочки» вызывают кишечный туберкулез, обыкновенно кончающийся смертью…

Николка с большой злобой приглядывался к двум «бревнышкам», таким невинным и безобидным в настоящем их виде.

— Как же они попали в мое одеяло? — спросил он вдруг.

— Очень просто. Какой-нибудь чахоточный больной, будучи у вас в комнате, кашлянул или плюнул; в мокроте или плевке в воздух вылетели из его организма эти палочки… Может быть, сначала они попали на пол, а потом, когда жидкость, окружавшая их, высохла, они с током воздуха поднялись вверх… Ну а на одеяло опуститься им уже ничего не стоило… Та же пыль могла захватить их в своем падении…

«Пыль», действительно, сыпалась вовсю, и, если бы не мощный ствол, под которым расположились приятели, им было бы не до разговоров.

Николка с сердцем пнул одно из бревен и с удивлением заметил, что глянцевитая «кора» его подалась от удара внутрь и так осталась. Врач сейчас же пояснил это:

— Туберкулезная палочка сплошь обтянута воскообразной оболочкой, поэтому стенки ее так податливы, но благодаря своей оболочке она также весьма жизнеспособна и долгое время может сохраняться живой в человеческом теле, вызывая у него длительную, так называемую хроническую болезнь…

— Ах, чертяка! — все более и более распалялся Николка и искал чего-то глазами.

— Послушайте дальше, — спешил высказаться Скальпель, видя, что внимание собеседника начинает приковываться к чему-то другому. — Эта восковая оболочка — палка о двух концах: внутри человеческого организма она является хорошей броней для «палочки», на воздухе же, в особенности на прямом солнечном свету, она никуда не годится: туберкулезные палочки очень быстро погибают на солнце…

…и с яростью накинулся на бревнышки…

— Ладно, они у меня и без солнца погибнут, — ворчал Николка, останавливая глаза на каком-то предмете. — У меня в комнате солнца нет; сами знаете, фабричная стена торчит вместо солнца…

— Да, — согласился врач, — у вас в этом отношении неблагополучно… — И, вздохнув, добавил:

— Куда редко заглядывает солнце, туда часто заглядывает туберкулез и… врач…

Николка нашел, наконец, что надо: это был длинный твердый обломок, только что упавший сверху в двух шагах от приятелей.

— Это вы называете «пылью»? — спросил он ехидно, беря обломок в правую руку.

— Да. Это пыль, — подтвердил врач, — только нам с вами она уже не кажется пылью… Что вы хотите делать!..

— Нуте-ка, слезьте, — вежливо предложил Николка и, когда врач исполнил его просьбу, — он с большой яростью накинулся на «бревнышки», кроша их дубинкой из «пыли»… И успокоился только тогда, когда от них остались одни восковые лохмотья да куски слизи…

2. — Вано Сванидзе — источник электромагнитных волн. — Одеяльный «ландшафт». — Падающие «звезды». — Николка читает мысли Вано. — О психо-радиациях. — Друзья ссорятся. — Сюрприз из воздуха. — Обитатели испорченного мяса. — Амеба проглотила Николку. — Чудовищное побоище. — Друзья избавляются от двух опасностей

— Молодец! — иронически похвалил врач, молчаливо и с полным равнодушием следивший за избиением «палочек». — Мо-ло-дец!.. Подумаешь — подвиг совершил?!

Красный от физического напряжения и от чувств, достойных лучшего приложения, обернулся Даниленко взглянул и ахнул..

С ног до головы врач был покрыт клочьями зеленой слизи и настолько густо, что даже не пытался освободиться от нее.

— Подумаешь — подвиг совершил! — повторял он флегматично. — Две палочки уничтожил, а в одеяле их, может быть, сотни…

— Доктор! — воскликнул «победитель» в глубоком изумлении. — Да почему же вы не отошли? Ведь это я вас так залепил?!

— Вы, вы, друг мой. Нет сомнения — вы. А отойти я не мог, потому что в двух шагах уже ничего не вижу… Ну-ка, освободите меня: чертовски жжется треклятая слизь!..

Удерживая смех, Николка принялся с той же энергией, с какой сокрушал палочки, чистить уважаемого Скальпеля и, между прочим, спросил с лукавством:

— Вы еще не имеете намерения прекратить опыт?

— Как бы не так! — отвечал невозмутимый исследователь. — Не думаете ли вы, что я склонен впадать в уныние от таких пустяков? Мы еще побродим, побродим…

Но далеко брести не пришлось: громадная черная пропасть в

самом начале пути преградила им дорогу.

— Вот какие сюрпризы скрываются в вашем одеяле, — философски заметил врач, — придется повернуть лыжи.

На их счастье, в атмосфере вдруг заискрились, заволновались частые, прерывистые излучения, наполнившие ярким синим светом даже самые укромные закоулки дремучего шерстяного леса.

— Ванька Сванидзе вернулся и зажег над столом лампу, — недолго думая, решил Николка и с завистью добавил:

— Сейчас, дьявол, чай будет пить…

— Гм… вы думаете, этот свет от настольной лампы? — пропустив мимо ушей намек о чае, спросил врач. — Но я же вам говорил, что обыкновенные световые колебания нам с вами более не доступны… И этот свет, сами видите, совсем не похож на электрический… Это — электромагнитные колебания…

— Ну-у… — недоверчиво протянул Николка, — разве Сванидзе приволок с завода электромашину?..

— Никакой машины не надо… Эти световые колебания исходят из головы вашего товарища…

— Га! Как от святого на иконке!..

— Я не смеюсь, — серьезно продолжал врач, — наш глаз в своем нормальном виде — не уменьшенном, как теперь — не способен улавливать электромагнитных колебаний, потому что он, так сказать, настроен самой природой, как антенна на радиостанции, на приемку волн только определенной длины, обыкновенных световых; а теперь мы, наоборот, вследствие громадного уменьшения нашего зрительного аппарата неспособны к восприятию световых волн, зато, как видите, воспринимаем какие-то другие в виде синего света…

Сильное освещение, разогнав тьму, представило глазам приятелей совсем иную картину, впрочем, не производившую отрадного впечатления.

Прежде всего, действительно, под их ногами зияла пропасть, где глубоко-глубоко внизу черной полоской блистала вода или какая-то другая жидкость.

— Ох, ох, в какой капитальной санитарной обработке нуждается ваше одеяло, — сказал по этому поводу врач. Вся почва состояла из переплетенных и спутанных между собой корней, бревен, перекладин и т. п.; конечно, все это были шерстяные волокна с примесью суконных, бумажных и пр., залетевших на одеяло с пылью.

Кругом высились тесной стеной великаны-стволы торчащие перпендикулярно вверх, то перекрещенные друг с другом, то почти касающиеся поверхности под разным наклоном.

Сквозь гущу этих стволов и из-за неровностей почвы уже на расстоянии 7–8 метров высилась сплошная стена; чудовища, столь храбрые во тьме, теперь куда-то попрятались. Лишь чистое безоблачное небо, переливно искрящееся синими и фиолетовыми тонами, представляло большой простор для наблюдений или, по крайней мере, хороший объект для восхищения. Однако, приятели принуждены были укрыться под сень того же гигантского ствола и оттуда лишь восторгаться красотами неба, так как дождь из падающих «безделушек», превышающих порой человеческий рост, значительно усилился.

— Ваш приятель беспокойно ведет себя, — заметил врач, — это он поднял и взмутил в воздух целые горы новой пыли…

Николка ничего не отвечал: странное беспокойство овладело им.

— Мне кажется, — через минуту начал он, — мне кажется, что я читаю чьи-то мысли…

— Ну-ну? — с заметным интересом подхватил врач. — Дуйте, это очень возможно…

Ободренный таким образом, Николка решился высказаться определенней:

— Мне кажется… Право, вы будете смеяться!.. Мне кажется, Вано Сванидзе, глядя на нашу одежду, думает… только вы не смейтесь, ей-ей, я не фантазирую! Ко мне сами собой приходят чужие мысли… И эти мысли, — я наверное знаю, Ванькины…

— Да ну же? — нетерпеливо кинул врач. — Говорите. Это очень интересно. Мы сделаем открытие…

— Ну, вот. Он думает: «…Одежда — Николкина… Одежда доктора Скальпеля… Куда они могли деться? Не спрятались же под койками? Нет… Под койками нету… Тогда…

Что же это такое?.. Бандиты, что ли, на них напали?.. Но почему же они поступили так странно?.. Вынули Николку и Скальпеля из одежды, одежду бросили, а их украли… Нет, этого не может быть. Бандиты не позарятся на такую драгоценность, как Николка и Скальпель, они поступили бы как раз наоборот… Что за чертовщина?! Может быть, мои друзья взбесились? Разделись и пошли гулять, уподобясь Адаму? Но ведь во дворе — стужа, слякоть… Вот задача!.. Ну ладно, если через полчаса ничего не выяснится, выйду на улицу и буду кричать караул…»

Врач в большом возбуждении вскочил, сослепу провалился по пояс в какую-то трясину, выскочил и завопил, потрясая растопыренными пальцами перед носом ошеломленного Николки:

— Нет, черт подери, мы уверены, что это мысли Сванидзе?!..

Николка испугался:

— Я ж предупреждал вас… Вы сами просили меня говорить… Я говорил одну правду… Мне казалось, что это происходит через волны, о которых вы говорили…

— Да знаете ли вы, молодой человек, что ваше чтение мыслей — подтверждение слов, изложенных нашим академиком П. П. Лазаревым в «Ионной теории возбуждения»?

— Положим, я этого не знаю, — Николка сообразил наконец, что Скальпель взволнован совсем другими обстоятельствами, — но я буду знать, если вы скажете…

— Так знайте, мой друг, что наш почтеннейший академик, директор биофизического института в Москве, профессор П. П. Лазарев в означенном своем труде на 128–129 страницах, и еще в «Физико-химических основах высшей нервной деятельности» на страницах 46–47…

— Доктор, — перебил Николка разошедшегося Скальпеля, — вы успокойтесь, а то я ничего не пойму…

— Хорошо, хорошо, мой друг, я уже успокоился, но, надо вам знать, что я и не волновался…

— Того гляди: «не волновался»! А в трясину-то почему попали и вот сейчас чуть было не загремели?..

— Ну, ну, это потому, что я близорук… Вы, пожалуйста, не перебивайте, а то я забуду… Ну вот! Что я хотел сказать?..

— Вы сказали, что чтение мыслей…

— Ах, да! Так вот: профессор Лазарев, установивши, что во время психической деятельности в мозгу человека возникают прерывистые химические реакции, сделал предположение, научно-обоснованное, что эти реакции сопровождаются образованием электродвижущей силы в мозгу. А эта последняя, передаваясь на поверхность головы, возбуждает в окружающей среде электромагнитные волны, распространяющиеся со скоростью света… Лучше я приведу вам его собственные слова. Он говорит:

«Так как периодическая электродвижущая сила, возникающая в определенном месте пространства, должна непременно создавать в окружающей воздушной среде электромагнитные волны, то мы должны, следовательно, ожидать, что всякий наш двигательный или чувствующий акт, рождающийся в мозгу, должен передаваться в окружающую среду в виде электромагнитной волны».

И не исключена возможность (я не помню, как это сказано у Лазарева), что химические реакции, протекающие в мозгу одного человека, через посредство электромагнитных волн, возбуждают к деятельности мозг другого человека, порождая в нем те же химические реакции, и, следовательно, те же мысли, те же

чувствования…

— Ага, понимаю, — сказал Николка, напряженно следивший за изложением врача, — получается так, будто мозг человека представляет радиостанцию, в одно и то же время и отправительную, и приемную…

— Совершенно верно. Совершенно верно. Вы правильно поняли… Теперь я вам передам кое-что из своих наблюдений. Надо вам сказать, что я тоже работаю над этим вопросом, но — это секрет, это секрет…

— Ладно, — сказал Николка, польщенный доверием Скальпеля, — мы умеем держать секреты…

— Так вот слушайте… — врач придвинулся вплотную и сдавил голос до таинственного полушепота, как бы боясь, что и в этом диковинном миру их могут подслушать. — Для того, чтобы один человек мог передать другому ту или другую мысль, тот или другой психический акт, необходимы два условия. Первое: необходимо, чтобы отправитель находился в состоянии сильнейшего возбуждения, научно выражаясь, — его психо-волны должны иметь большую интенсивность; в то же время приемщик должен находиться как бы в состоянии полной психической расслабленности, не иметь своих мыслей, своих переживаний, одним словом, ни о чем не думать… Это следует из того простого закона, который гласит, что энергия переходит с тела высокого напряжения на тело меньшего напряжения… И второе условие: психо-радиация (я ввожу новый термин, заметьте! Это значит: излучение мыслей), психо-радиация возможна только между особями, лучше сказать, между мозгами, имеющими психическое сродство… Что это значит? Это значит, что психо-радиация между вами и Вано Сванидзе возможна, потому что и он, и вы происходите из одной и той же среды, получили тождественное воспитание, получаете одно и то же образование, живете вместе, одним словом, вы психически родственны друг другу… Еще лучше, легче и полней психо-радиация происходит между лицами, родственными друг другу и по воспитанию, и по образованию, и по крови. Да: и по крови… Последнее условие не должно вас удивлять: вам известно, что и в радиотехнике непременно соблюдается это второе условие. Антенны, т. е. те системы проводов, которые отправляют и воспринимают радиоволны, всегда настроены одинаково, так сказать, в унисон… Вы понимаете?.. Итак, при соблюдении этих двух условий возможно через громадные расстояния (потому что психо-волны распространяются со скоростью света, т. е. делают в секунду 300,000 километров) передавать свои мысли другому лицу без помощи проводов или каких-либо приспособлений; возможно

общение между лицами, удаленными на какое угодно расстояние, хотя бы на расстояние луны, потому что и в этом случае психо-волне нужно только полторы минуты, чтобы дойти по назначению…

— Та-ак… — задумчиво протянул Николка. — Вот спасибо, что сказали. Теперь я не буду писать матери писем, потому что каждый раз шесть копеек из кармана долой. И ей и мне — лишний расход. Я буду с ней общаться психо-волнами. И ее научу этому…

— Ха-ха-ха!.. — залился врач. — Нет, подождите. Еще рано. Вы же не знаете, каким образом исполнять первое условие, т. е. приводить себя в состояние возбуждения! Это не так-то легко!..

— Но Ванька Сванидзе тоже не знал этого и вообще ничего не знал, однако я легко прочитал его мысли?!..

— А-а!.. Вот здесь и зарыта собака! Вано Сванидзе, не зная ничего о психо-радиации, не имея никаких представлений об условиях ее, при виде одной одежды пришел в требуемое первым условием возбуждение, потому-то между вами и установилось общение. Но, скажите, как, посредством чего сумеете вы привести себя в состояние большого возбуждения, когда пожелаете, ради экономии, вместо письма известить мать психо-волнами, скажем, о своем здоровья или еще о чем?

— Вы мне должны сказать, — насупился Николка.

— Ха-ха-ха!.. Нет, этого я вам не скажу… Во-первых, потому, что я сам как следует еще ничего не знаю; во-вторых, даже если бы и знал, то до некоторых пор принужден был бы держать в секрете…

Николка никак не мог понять, почему нужно держать в секрете такое важное открытие? Почему не предоставить его сейчас же всему народу? Разве это не повело бы к грандиозно-широкому общению как в самой стране, так и между народами? Ведь тогда не нужно было бы никаких телеграфов, телефонов, почты и других дорогостоящих приспособлений! Психо-радиация сделала бы колоссальный шаг в сторону установления царства Интернационала! Словом, Николка никак не мог понять психологии врача и даже возмутился в высшей степени, услышав от него следующее:

— Я должен вам напомнить, что все, о чем мы с вами здесь беседовали, составляет мой секрет. До тех пор, пока я не смогу опубликовать результатов моих трудов, никто не должен знать об этом…

— Когда же вы их опубликуете?

— Как только добьюсь положительных результатов в области осуществления первого условия.

— Ага! — Николка понял и от негодования даже скривился. — Вы тогда, значит, заделаетесь знаменитостью?

Врач скромно потупил взоры. А Николка начал атаку:

— Позвольте вас спросить: сколько времени вы уже работаете над этим вопросом?

— Три года.

— И чего добились?

— Я установил эти два условия, при которых возможна радиация, раскрыл сущность второго условия и наметил вехи для раскрытия первого…

— Сколько вы думаете еще проработать?

— Этого я не могу сказать. Как удастся…

— Знаете ли вы пословицу: ум — хорошо, а два — лучше?.. И не думаете ли вы, что когда бы вы с самого начала привлекли к своим работам возможно широкие массы, то психо-радиация скорей бы воплотилась в жизнь или даже уже была бы воплощена?

— Да, но…

— Не трудитесь, я понимаю, — подхватил Николка, — вы хотите сказать, что тогда часть вашей славы перешла бы на другого. Очень хорошо…

Между интеллигентом и рабочим пробежала черная кошка.

Но они находились в особенном положении и о своей размолвке скоро принуждены были забыть.

Синий свет все еще наполнял своим волшебным блеском окрестный «ландшафт».

При нем предметы не имели теней, все рельефно-отчетливо выделялось, как под тропиками в знойный полдень. Еще мерцало «небо» переливными тонами и гудели с клокотаньем неизвестные силы.

— Сванидзе, надо думать, занимается умственным трудом, — после некоторого молчания сказал сумрачный врач.

Так же сумрачно ответил Николка:

— Я продолжаю ловить его невольную радиацию. Он читает «Анатомию и физиологию»…

Но вот освещение уменьшилось; погасли сине-фиолетовые волны в небе; расплылись контуры; заворочались, зашумели в кустах, провалах и пропастях диковинные звери…

— Не собирается ли наш друг бежать на улицу, — сказал врач.

— …Кричать «караул»… — дополнил Николка.

Неожиданно разрезал, смял воздух какой-то громадный предмет.

Жжж!.. Трах!..

Гигантский шерстяной ствол в трех шагах от приятелей согнулся, повалился от тяжелого удара. Сила падения была такова, что Николка, как резиновый мяч, сажени на две взмыл в воздух; а врач, сделав подряд три воздушных петли, опять угодил в трясину.

… врач угодил в трясину.

— Вот что называется «не везет», — меланхолично резюмировал он.

Оправившись от испуга, приятели подошли к месту падения. Ствол был пригнут громадным куском мяса, полуразложившимся и издававшим невыносимое зловоние. Мало того, он кишмя кишел самыми невиданными и отвратительными существами; кишел, как потревоженный муравейник. Часть этих существ от удара рассыпалась кругом, и теперь они тысячами, руководствуясь, очевидно, заманчивым запахом, собирались обратно к куску. Приятели очутились в опасном кольце. Николка, собрав силы, прыгнул на ближайшую возвышенность (— «из вашего сала и пота» — пояснил врач) и втащил туда же своего резонирующего друга. Отсюда они принялись наблюдать новых знакомых.

Природа не пожалела форм и материала для изваяния этих чудовищ. Тут были существа совершенно бесформенные, то и дело менявшие свои очертания; были с десятью и более конечностями, — змееобразные, круглые, конические, четырехугольные, с лапками: мохнатыми, крючковатыми, с

хвостами, плавниками, жгутами, ресничками… были — похожие на простых головастиков: веретенообразные, драконоподобные, птицеголовые…

Врач отметил, что весьма многих он видит в первый раз за свою жизнь.

— В микроскопе и одной тысячной того, что здесь есть, я не видал…

— Экая гадость! — сокрушенно вздохнул Николка. — И все на моем одеяле!.. Откуда только они берутся?!..

— Из воздуха, из воздуха, голубчик! — несколько злорадно ответил врач.

— Ну да. А в воздух откуда попал этот аппетитный кусочек?

— Я думаю… Вано Сванидзе сел ужинать…

— Ну, уж вы!.. — возмутился за друга Николка. — Что он, падаль, что ли, лопает?!..

— Зачем «падаль»? — спокойно возразил врач. — Вспомните-ка: есть у вас в комнате вареное мясо?

— Ну, есть. Только оно не протухло.

— А сколько, приблизительно, дней оно лежит?

— Дня три, не больше…

— Ха-ха-ха!.. Этого вполне достаточно, чтобы в нем завелись «букашки»…

Николка враждебно взглянул на Скальпеля:

— Почему вы в лекциях своих об этом ничего не говорили?

Скальпель отпарировал:

— Следующая моя лекция как раз о «хранении пищевых продуктов».

— Нужно было сразу обо всем прочесть, — сурово молвил Николка, — а то, вишь, какую гадость едим!..

Их — не сказать, чтоб мирная — беседа опять прервалась самым неожиданным образом.

Какая-то бесформенная масса, но, судя по движению, живое существо, незаметно передвигаясь на сером фоне шерстяной почвы, вплотную приблизилась к беседующим и всосала в себя голую ногу Николки.

— Ай-яй-яй! Доктор! Доктор! Моя нога! Моя нога! — вскричал тот, напуганный тем, что его нога совсем исчезла.

Желая выдернуть ее из вязкой, живой массы, он уперся другой ногой, и эта в тот же миг последовала за первой. Врач, долго не размышляя, схватил какой-то обломок и со всего размаху всадил его в желеобразное тело врага. Обломок беспрепятственно прошел до земли, не причинив животному никакого вреда. Врач повторил свой прием и опять с тем же результатом. Тем временем Николка все более и более

обволакивался липкой массой. В полном отчаянии врач стал действовать и руками и ногами, но без всякого успеха: желеобразная масса легко подавалась под ударами и сейчас же вновь смыкалась. Положение было самое безнадежное: у Николки оставались свободными лишь голова да плечи, все остальное исчезло… Желая хоть оттянуть время неминуемой смерти друга, врач стал мешать животному продвинуться дальше, до его головы. Как только край засасьвающей массы приближался к шее несчастного, он ударом кулака, сейчас же отдергиваемого обратно, заставлял животное съеживаться… Но уже ясно было, что сопротивление долго не протянется: силы врача с каждым ударом убывали, так как свое обратное движение ему приходилось делать с огромным мышечным напряжением, почти отрывать руку от клейкой массы…

…А Николка чувствовал, как постепенно леденели его конечности, сдавленные, будто свинченные живыми тисками… В первые минуты он пробовал сопротивляться, кричал, ругался… потом замолк…

… в первые минуты он пробовал сопротивляться.

…Обессиленный, потный, задыхающийся от напрасной борьбы, врач вдруг заметил к своей безумной радости, что животное почему-то стало быстро сползать с полузадушенной жертвы. Не веря своим близоруким глазам, он нагнулся и рассмотрел другое чудовище, похожее на безглазого и

расплющенного головастика с длинным хвостом и широкой пастью. Это чудовище подобралось вплотную к месту борьбы и — по пословице: двое дерутся, третий радуется — торопливо отрывало кусок за куском от студенистого тела животного, захватившего Николку. Однако, радоваться было рано: врач по своей близорукости не видел, что арена борьбы окружена живым кольцом, неотступно суживавшим круг. То были зрители, выжидавшие развязки, надо думать, не из простого любопытства… Как бы там ни было, желеобразное животное совершенно освободило Николку и обрушилось на безобразного головастика. Между ними завязалась жестокая схватка.

Врач поспешил освидетельствовать члены вернувшегося к жизни друга и не нашел никаких повреждений. Впрочем, Николка и без освидетельствования знал это. Он тотчас же указал Скальпелю на новую опасность: круг кровожадных зрителей теперь отстоял от них всего шага на три, на четыре… Надо было думать о спасении.

Во время схватки приятели незаметно приблизились к вершине согнутого куском мяса гигантского ствола, чем и встревожили орду теперешних зрителей. Кусок был наполовину уничтожен, но еще обладал таким весом, что удерживал ствол в согнутом положении. Почти одновременно сообразив, где искать спасение, и Николка, и врач во мгновение ока перемахнули через живое кольцо, одним ударом сбросили со ствола остатки мяса, а ногами разбрыкали тех из чудовищ, которые сидели на стволе… Не успел тысячеголовый враг опомниться, как шерстяной волос, освобожденный от сгибавшей его тяжести, быстро пошел вверх, унося ликовавших приятелей в безопасную высь…

— Кажется, мы им натянули большой нос! — Николка свесился головой вниз с «дерева» и наблюдал, как рассвирепевшие чудовища, обманутые в своих надеждах, с остервенением набросились друг на друга. Поднялся невообразимый рев; зловонные испарения от разгоряченных тел волнистыми спиралями окутывали место побоища и скоро скрыли его от глаз.

Скальпель размышлял, моргая веками; он не видел развернувшегося внизу грандиозного действия, но слышал, конечно, вспыхнувший гам и заметил ядовитые испарения, принявшие форму видимых волн.

— Как вы думаете, товарищ Даниленко, — начал он осторожно, — не вернуться ли нам в наше нормальное состояние?

Николка весело рассмеялся, поняв чувства, беспокоившие врача. И, вспомнив его ответ на свой аналогичный вопрос после встречи с туберкулезными палочками, лукаво произнес:

— Не думаете ли вы, что я склонен впадать в уныние от таких пустяков? Мы еще побродим, побродим…

— Ну-ну, — согласился врач, — если подобные встречи вам кажутся пустяками, то я должен гордиться своим компаньоном и согласен продлить опыт до бесконечности… Ведь это так интересно?.. Кстати, знаете ли вы, что за существо держало вас в своих объятиях?.. Это — самая обыкновенная амеба; одно из простейших животных, ее тело состоит всего из одной клетки…

— Мы с ней, должно быть, опять скоро увидимся, — пробормотал Николка, указывая вниз, где по стволу, на котором они сидели, быстро переливалась по направлению вверх подобная первой бесформенная масса.

Врач взглянул в указанном направлении и, конечно, ничего не увидел:

— О! Она еще далеко, — сказал он хладнокровно, — я вам успею досказать… Существуют разные породы амеб: одни из них совершенно безопасны для нормального человека — не в пример нам, мы слишком теперь малы, — из этих амеб даже есть такие, которые живут постоянно у нас во рту и в кишечнике, не вызывая никаких расстройств; другие же могут быть весьма опасными, такова амеба, попадающая в кишечник человека через питьевую воду, если она не прокипячена, и вызывающая у него страшную тропическую дизентерию или кровавый понос…

— Очень хорошо, доктор, — перебил Николка, с большим интересом слушавший, а еще с большим наблюдавший за приближением амебы. — Я все понял… Теперь давайте-ка думать, как нам избавиться от новой опасности…

— Разве она так близка, — спросил разочарованно врач, — я хотел еще кое-что порассказать…

Николка безмолвно указал вниз и его сотоварищ мгновенно преобразился:

— О!.. Эта — еще больше!.. Как вы думаете, что мы должны делать?..

— Совершим воздушный полет, — предложил Николка.

Приятели поднялись до самой макушки ствола и принялись раскачивать его. Кругом возвышался бесконечный лес, увенчанный расщепленными вершинами. Амеба только что приготовилась захватить аппетитную ногу врача, как к ее великому негодованию все четыре ноги, сверкнув пятками, исчезли из поля ее влияния; по крайней мере, она уже перестала их ощущать.

Новое «дерево», на которое перелетели без всякого риска наши друзья, отличалось еще более высоким ростом и имело великолепную махровую верхушку, на которой они и

расположились не без некоторого комфорта.

И вскоре друзья мирно спали.

Внизу расстилалось шерстяное одеяло, как безграничное поле, засаженное пиками.

Сверху и со всех висело куполообразное, иссиня-черное небо, содрогавшееся волнообразно. Ни звезд, ни каких либо светил не было. Лишь в одном месте, где, по определению Николки, должен был находиться его друг Вано, мерцала синими отблесками расплывчатая туманность — единственный источник света для мира бесконечно малых величин.

— Почему, доктор, стало меньше падающей пыли? — спросил Николка, сладко зевая.

— Думаю, потому, — отвечал охотно врач, — что Вано Сванидзе расположился на покой… Ведь в грязной комнате достаточно сделать небольшое движение, чтобы поднять облака пыли…

— Не последовать ли нам его примеру? — предложил Николка. Врач ничего не имел против, и вскоре друзья, закутав себя волокнами шерсти, ответвляющимися от общего ствола, мирно спали.

3. — Утро. — Приятели завтракали подле сахарных и хлебных гор. — Вано занимается гимнастикой. — Буря. — Приключение с воздушным шаром. — Новые знакомцы. — Слизевое озеро. — Безвыходное положение. — Муха — неожиданная спасительница. — В новый мир!.

Николка ни за что бы не проснулся так рано, если бы… если бы он не чувствовал — даже во сне — всей необыкновенности своего положения и если бы не принял накануне обязательства — от самого себя — подняться до пробуждения Вано. Для этого были серьезные мотивы. На сон грядущий произнесенные врачом слова породили в уме Николки соображение, о котором он тогда умолчал из боязни, что врач в тот же момент захочет переменить местоположение в то самое время, когда Николка так сладко зевал. Вот это соображение:

Если малейшее движение в комнате поднимает целые облака пыли, то что произойдет, когда Вано, по своему утреннему обыкновению, станет заниматься гимнастикой?..

— Доктор, а, доктор! — будил Николка врача.

— Ау…у… — потянулся тот, едва не вывалившись из своего ложа. — Какого черта кому надо?..

— Вставайте, доктор, чай кушать, — пошутил Николка.

— Чай? Какой чай?.. Не хочу чая… — из ноздрей доктора снова запорхали нежные трели.

Тогда Николка без дальнейших церемоний изложил свое соображение. Это произвело волшебное действие: Скальпель встрепенулся и, ни слова не говоря, пополз вниз.

Николка не забыл захватить с собой два широких волокна, которые служили им ночью одеялами, а теперь могли сойти за сносные плащи по пословице: «на безрыбье и рак рыба».

Внизу друзья вооружились дубинками и приобрели, таким образом, внешность настоящих троглодитов из эпохи мамонта и пещерного медведя. Обстановка как нельзя более соответствовала этому: вся почва кругом была усеяна трупами громадных и диковинных зверей, истерзанных и изуродованных — в

результате вчерашнего побоища; среди них сонно бродили два или три десятка уцелевших, волоча туго набитые животы по зловонным лужам зеленой крови. Они уже не обращали никакого внимания на подавленных омерзительной картиной путешественников.

… и приняли внешность настоящих троглодитов.

Николка вздыхал:

— И это все на моем одеяле!

Врач сентенциозно изрекал:

— Дезинфекция, дезинфекция, друг мой, необходима…

Только через полчаса друзья удалились, наконец, от местности, издававшей «неземные» ароматы. «Неземные» потому,

что они ощущались, главным образом, поверхностью кожи, а не носом, ибо запахи представляют собой потоки мельчайших материальных частиц, и если нормальному человеку эти частицы только щекочут слизистую оболочку носа, то нашим друзьям они до боли терзали голую кожу. Тут Скальпель заметил, что инициатива — избирать путь следования — не принадлежит ему.

— Вы куда это меня ведете? — спросил он слишком уверенно шагавшего Николку. Тот смущенно потер переносицу:

— Вы есть хотите?

Врач отвечал, что, к сожалению, его аппетит не подвергся уменьшению вместе с размерами тела, но что вряд ли удастся удовлетворить его здесь, в одеяльном царстве.

Каково же было изумление Скальпеля, когда Николка прямым сообщением привел его к горам сахара и хлеба, занимавшим обширное пространство…

— У вас хорошее зрение, — констатировал врач, и еще:

— Значит, вы имеете обыкновение завтракать, сидя на постели. Это — негигиенично. Хорошая среда для развития микробов.

Однако, он не отказался воспользоваться последствиями негигиенического поведения своего компаньона, и оба сытно закусили, хотя и несколько однообразной пищей. Они кончили завтрак к началу сильного ветра.

— Ну, — заметил Николка, — Вано Сванидзе восстал от сна и разминает свои мышцы.

Ветер все более и более крепчал и, наконец, разыгралась настоящая буря. Приятелям пришлось забиться в глубокую скважину шерстяной почвы. Сверху в громадном изобилии посыпались камни, бревна, волокна и прочий строительный и не строительный материал. Шерстяные стволы гнулись до самого основания, трещали и ломались от падающей «пыли». С грохотом поднимались в воздух сломанные великаны, чтобы или унестись в беспредельную высь, или обрушиться в другом месте одеяла, распугивая многочисленных его обитателей.

Так продолжалось минут пятнадцать. Затем постепенно буря улеглась, хотя еще долго падали взволнованные «пылинки», бороздя во всех направлениях взбаламученное «небо». Стало значительно теплее.

Приятели, не без опаски, покинули свое убежище, и сейчас же их внимание обратилось на одно странное явление.

Вверху, над шерстяным лесом, перекатываясь с верхушки на верхушку и подпрыгивая, как громадный мяч, летел прозрачный шар. Он наполнен был воздухом, а в толстых, глянцевитых стенках его плавали какие-то неясно видимые предметы. Шар

приближался к нашим приятелям, движимый воздушным течением, и как раз над их головами, где лес был ниже, он остановился, удерживаемый со всех сторон выше стоящими стволами. Теперь можно было рассмотреть его во всех подробностях. Оболочка шара состояла из воды или из какой-либо другой жидкости. В толщу ее были включены живые существа, подобные тем, с которыми встречались врач и Николка.

— Это — бактерии, — сказал врач. — То, что мы видели с вами до сих пор, исключая туберкулезную палочку, принадлежало к разряду простейших животных. Туберкулезная же палочка и эти знакомцы являются представителями растений. Собственно говоря, и те, и другие стоят на грани между животным и растительным царством; деление микробов на два лагеря является условным; очень трудно установить между ними различие. Впрочем, можно считать за правило, правда, несколько парадоксальное, что микробы, относящиеся к растительному царству, — размерами меньше, но зато в тысячи раз вреднее и опаснее для человечества.

Николка, чтобы лучше познакомиться с микроскопическими врагами человечества — благо, был удобный случай — полез на дерево, за ним последовал врач, возненавидевший после приключений с амебой опасное одиночество.

— Что это за штука, доктор? Вы знаете?

— Да, мой друг, хорошо знаю; и думаю, что вы сами, если поразмыслите, легко сообразите…

— Похоже на мыльный пузырь, — задумчиво произнес Николка. — Только стенки больно толсты, и никогда я не видал в нем такой чертовщины…

…летел огромнейший шар…

— Да. Это — пузырь, только не мыльный, а слюнный или мокротный…

— А-а-а! Ну, конечно! Теперь я вспоминаю: когда Вано Сванидзе кашляет, у него изо рта вылетают такие шарики, только куда мельче… Так — с булавочную головку.

— И этот не больше булавочной головки, если не меньше. Но вы опять забываете про наше особенное положение. Нам ведь крупинка сахару представляется огромной горой…

— Ну, не томите, доктор, рассказывайте, что это за существа, поселившиеся в пузыре?

— А вот… Видите вы эти шарики, которые составляют как бы цепочку?.. Это так называемые гноеродные кокки. Самые обыкновенные бактерии, наиболее часто встречающиеся в природе. Их много бывает на грязной коже; это они вызывают прыщи, чирьи, вереды, вообще гнойники; отсюда их название: гноеродные. Кокк значит шарик…

— А вот те, что сидят попарно в одном зерне?

— Это — диплококки, что значит: двойные кокки. Они вызывают воспаление легких… Следующие за ними — проворные,

хвостатые палочки — не больше ни меньше, как палочки брюшного тифа… Скажите: Сванидзе, кажется, недавно болел брюшным тифом?

— Болел месяц тому назад…

— Ну, так и есть! Значит, он — бациллоноситель!..

— Что еще за штука?

— Так называют людей, которые перенесли болезнь, а в организме — во рту, в кишечнике или в легких — носят еще возбудителей своей болезни…

— И такой человек может заражать других?

— Может, конечно.

— Гм… А как же предохранить себя от заражения?

— Лучше всего, конечно, не выпускать такого человека из больницы до тех пор, пока у него микроскопическое исследование не установит полной безопасности. Но если уж он вышел, необходимо соблюдать личные правила гигиены, т. е. не пользоваться общим с ним полотенцем, общей посудой; ничего не брать из его рта, например, папирос; не спать на одной постели, ну и, конечно, не целоваться…

Николка принял к сведению и руководству сообщение врача, а про себя сказал: «Даешь гигиену!»

— Ну-с, — продолжал врач, — остались еще одни бактерии. Видите вы вон тех, что похожи на туберкулезную палочку, только гораздо меньше ее размерами?

— Вижу.

— Это — палочки инфлюэнцы. Тоже, как и кокки, весьма распространенные бактерии. Они вызывают насморк, кашель, головную боль — одним словом, каждый хорошо знает эту болезнь…

— Да. Я недавно болел ею, а теперь Ванька все чихает, кашляет, плюется…

— У него инфлюэнца, — подтвердил врач.

— Откуда же, доктор, собралась вся эта компания? — в недоумении спросил Николка.

— Из легких, изо рта, из носа, а потом — в слюну или мокроту и через кашлевой толчок — в воздух…

— Неужели у каждого человека живут эти бактерии?

— Нет, не у каждого. Но очень часто даже у здорового человека можно найти и палочки инфлюэнцы в носу и глотке, и диплококков, и кокков, а иногда, как видите, и брюшнотифозные палочки. Все они живут спокойно, не трогая человека до тех пор, пока организм силен, не ослаблен чем-нибудь. Но как только простуда или переутомление, или алкоголь, или еще что ослабит его — тогда держись!..

В этот момент шар вдруг осел ниже и напоролся на толстый шерстяной ствол, который прошел сквозь него. Не успели наши приятели принять должные меры, как шар лопнул и обдал их с головы до пят тягучей, кислой жидкостью. Жидкость эта, упав вниз, образовала вокруг дерева обширную лужу.

— Отвратительная история! — брезгливо сморщился врач. — Теперь я могу сказать наверное, что это была мокрота…

Мокрота или не мокрота, от этого легче не было: друзья опять попали в переделку.

Поистине, этот диковинный мир не был приспособлен для человека! Шар, лопнув, образовал на одеяле обширную лужу; нет, не лужу, а настоящее озеро! Дерево, на котором сидели приятели, очутилось как раз посередине его. Перебраться вплавь не представляло никакой возможности: и потому, что жидкость, распространившаяся кругом на целую версту (конечно, микроскопическую), была слишком густа — она сразу сковала бы все движения; и потому, что погрузиться в отвратительную кислую массу мешало нашим друзьям вполне естественное чувство брезгливости. Следовательно, о «мореплавании» нечего было и думать.

Организовать перелет с дерева на дерево — тоже попытка, обреченная на неудачу: дерево — убежище приятелей — было слишком коротко, а ближайшие к нему отстояли на порядочном расстоянии.

Ломая голову в придумывании средств к спасению, приятели просидели на своем маяке уже больше часа и решили, что единственный выход — это дождаться, когда озеро частью всосется одеялом, частью испарится. Последнее должно будет произойти, по вычислению врача, самое меньшее через сутки… Перспектива не из утешительных, так как дерево после слизевого душа стало настолько скользким, что требовалось очень крепко держаться за него. Николка не терял бодрости и напряженно всматривался по сторонам в надежде открыть хоть что-нибудь, что бы могло им помочь. Но врач иссякал, хотя продолжал сохранять вид невозмутимого спокойствия…

Наконец острые глаза Николки заметили нечто… Это «нечто» порхало вдали над шерстяным лесом и не было похоже на обыкновенную пыль.

— Доктор! Доктор! Смотрите! — встрепенулся он, забывая о близорукости своего коллеги.

— Ничего не вижу, — печально отвечал тот и, так как неожиданное восклицание Николки заставило его вздрогнуть и потерять равновесие, добавил еще печальней:

— Сейчас упаду…

— Держитесь, держитесь, доктор! муха! Она летит сюда!..

Врач сделал героическое усилие и повис в рискованной позе — на ногах: руки отказались служить. Николка поспешил к нему на помощь и крепко привязал его к себе волокном шерсти:

— Держитесь, держитесь, вот она! Уже близко!..

Теперь и врач увидал громадное насекомое, которое гигантскими скачками приближалось к ним, очевидно, привлекаемое благовонием озера. Под ним гнулись донизу великаны-стволы, и вихрь крутил пыль над одеялом.

— Вот она! Вот она! — сдерживая дыхание, шептал Николка, как будто его слабый голос мог быть услышан таким громадным насекомым, один волосок на ноге которого соответствовал росту наших приятелей.

Муха, совершенно не замечая их, скакнула мимо деревца, зацепив его лапою. Врач и Николка, прыгнув одновременно, уцепились за один из волосков этой лапы…

Сияющие от благополучного исхода, они осматривали свой живой экипаж с вниманием, достойным хорошего «Фоккерса».

Обладательница спасительной лапы, по-видимому, не отличалась любовью к чистоплотности: всюду к волосатому ее телу приклеились гниющие остатки пищи, навоз и всякого рода нечистоты. Запах стоял такой, что захватывало дыхание.

Николка ворчал:

— Я бы предпочел сидеть на дереве, чем среди этих свалок…

Муха, чавкая хоботком, снова приблизилась к недавнему месту заключения приятелей, и врач, опасаясь решимости своего товарища, доказывал ему, как мог, несравненную выгодность их настоящего местопребывания.

— В конце концов, здесь гораздо интересней, — говорил он. И был в этом прав: Николка в ту же минуту обнаружил присутствие многочисленной жизни внизу, у ступни мушиной лапы. Здесь в жидких остатках пищи и слизи копошился целый мир простейших животных и растений.

— Это все гнилостные существа, — пояснил врач, — они вызывают гниение…

— А вот там… еще ниже? Смотрите, доктор, что это за живчик?

Врач спустился, как по лестнице, по волоскам лапы ниже, чтобы рассмотреть указываемое Николкой существо.

— О! Это уже другой сорт! — воскликнул он. — Знаете, мой друг, это самый настоящий холерный вибрион!..

Похожий на громадную запятую с длинным хвостом, у крайней оконечности лапы в мутной жидкости, приставшей к ней, — плавал, юля в ограниченном пространстве, возбудитель

азиатской холеры.

— Да. Нет сомнения, мы видим с вами опаснейшего из опаснейших представителей бактерий… Муха ведь где только не бывает! Надо думать, что она совсем недавно навещала холерного больного; может быть, даже лакомилась его рвотой…

…в конце концов, здесь гораздо интереснее.

— А потом сядет кому-нибудь на хлеб или на мясо? — негодующе спросил Николка.

— Да. Так обыкновенно и бывает. Отсюда вы видите, какую роль играют мухи в деле передачи болезней. Они на своих лапках переносят и холерную заразу, и дизентерийную, и брюшнотифозную, и другие…

— Что же надо делать в таком случае? — спросил Николка, проникаясь ненавистью к своем экипажу.

— Что делать?! Разве я вам никогда не говорил?.. Уничтожайте мух и укрывайте от них все то, что вы потом будете кушать или пить…

Отведав вдоволь кислой слизи, муха взмахнула крыльями и запорхала, унося своих пассажиров с одеяла, столь богатого опасными приключениями, в новый, неизвестный мир, к новым опасностям…

4. — Продолжение путешествия на мухе. — На чайном столе. — Мухи испускают электромагнитные волны. — Беседа мух. — Нравоучительная история с солнечным лучом и бактериями. — Несчастье с холерным вибрионом. — Опять в воздухе — «без руля и без ветрил». — Новый экипаж. — Воздушная авария

Вращая крыльями с быстротой пропеллеров — так, что их совсем не было видно — и производя гул, подобный гулу аэроплана, муха порхала с одного предмета на другой, кружилась по комнате, играя пылинками в солнечных лучах, дралась со встречными мухами и, наконец, проголодавшись от сильных движений, опустилась на стол.

Там уже сидел добрый десяток этих насекомых. Они ползали, прыгая друг через друга, среди крошек хлеба, сахара и колбасной кожуры; взлетали и садились на горбушку хлеба, на стакан с сладким чаем, заглядывая осторожно внутрь его и трогая хоботком поверхность жидкости, и не так много ели, как пачкали грязными лапками стол и оставленные на нем съестные продукты.

Наша муха тоже не замедлила побывать на горбушке хлеба, попробовала его вкус и, не удовлетворенная, скакнула на стакан. На хлебе она оставила часть своих пассажиров, так как вздумала здесь немного почиститься. Стакан был еще теплый; мухе — судя по ее разнеженному виду — доставило большое удовольствие погреться самой и погреть свои лапки о теплое стекло: не нужно забывать, что на дворе стояла осень.

Наши приятели, крепко уцепившись за волоски мушиной лапки, широко раскрыв глаза, наблюдали новый мир. Конечно, они не могли видеть всех предметов, посещаемых мухой; они видели только самую малую часть их, о всем остальном приходилось догадываться. Так, когда они подлетали к стакану, то наблюдали один единственный сантиметр его, далее этого их

зрения не хватало: жидкость, наполнявшая стакан, представлялась им в виде безбрежного океана…

Как только они покинули одеяло с его мрачными картинами и с сумраком, царящим под сенью шерстяного леса, они попали в море синего света. Туманность, испускавшая его, все время передвигалась; очевидно, Сванидзе, обеспокоенный исчезновением друзей, волнуясь, ходил по комнате. Но кроме этого источника света, существовали тысячи других, что и было отмечено приятелями. Прежде всего, светились все неодушевленные предметы; светились, правда, слабо. И гораздо интенсивней испускали синий свет живые существа, в частности, мухи. Остроглазый Николка обнаружил последнее на встречных мухах: головная часть их туловищ и, главным образом, глаза были окружены светящимся ореолом, видным с большого расстояния. Так что приятели путешествовали со своим весьма сильным прожектором, испускавшим яркие световые волны.

Когда муха, совершив воздушный моцион, присоединилась к своим товаркам на столе, это явление стало массовым, и врач, весьма довольный столь ярким освещением, позволившим ему видеть все то, что Николка уже давно видел, ударился в пространное толкование природы электромагнитных волн. Может быть, он сообщал много интересного; может быть. Однако, как это ни странно, Николка его совсем не слушал. Он был занят теми же электромагнитными волнами, но занят совершенно самостоятельно и безмолвно.

Врач, между прочим, говорил:

— …Американский ученый Лоренц Харль недавно установил, что некоторые насекомые имеют возможность сноситься друг с другом посредством электромагнитных волн. По его словам, бабочки, светляки и некоторые другие…

А Николка в то же самое время старался понять: о чем говорят между собой мухи, юлившие по столу? И ему казалось, что он их понимает…

Так, муха, приютившая наших приятелей, доминируя над остальными, — ибо сидела на стакане, — вздохнув горестно, испустила жалостную радиацию:

— Ну и времена настали! Солнце? Разве это солнце! Оно же ни чуточки не греет, клянусь честью! А посмотрите, что творится на дворе: сырость, слякоть, грязь, холодный ветер… Да что же это такое?! Я прожила полтораста с лишним дней и ни разу не видала подобной мерзости! У меня кровь стынет в жилах, я окоченела!.. Поистине, правы наши священнослужители: близок конец света, близок! Приближается грозный час страшного суда!.. Укажите мне, прошу вас, какое-нибудь маленькое пустынное

местечко, где бы я могла в посту и покаянии провести остаток своих жалких дней…

— Ерунду говорите, мадам, — возразила муха с сильно потрепанными крылышками. — Выражаетесь совершенно не научно. И, поверьте моему честному слову, священнослужители так же брешут, как они брехали в первые дни существования этого прекрасного мира. Они тем живут… Свет не кончается вместе с вашим концом. Это идеалистическое воззрение. Если вы, мадам, даже протянете свои стройные ножки через пару-другую дней, то это не значит, что все вместе с вами погибнет. Что касается меня, то я буду жить и, надеюсь, снова увижу горячее солнце, гниющие лужи, обилие пищи, света и сухого воздуха!..

— Что он говорит?! Что говорит?! — раздалось со всех сторон. Вокруг смельчака, хладнокровно занявшегося уничтожением сахарной глыбки, собралось штук двадцать мух; одни с выражением глубокого испуга в больших прозрачных глазах, другие с затаенной надеждой.

— Он кощунствует! Он разрушает основы нашей религии! Смерть ему! Побьем его камнями!..

Другие сдержанно возражали:

— Спокойствие, граждане. Дайте ему высказаться. Если он психически больной, мы поместим его в лечебницу. Если же он в здравом уме, тогда посмотрим…

Муха-смельчак надменно прищурился:

— «Побьем кам-ня-ми»! Где вам, слюнтяи! Да я вас всех так расшвыряю, что вы костей не соберете… Подумаешь, бо-га-ты-ри!! На вас противно и жалко смотреть!.. Вы — колпаки!..

Компания сразу заметно убавила пыл. Один из благоразумных осторожно спросил:

— Почему, гражданин, колпаки?

— Он еще спрашивает?! Да потому, что вы даете себя околпачивать кучке коварных пройдох…

— То есть?

… Знаю, что они благополучно скрываются на кухне.

— Где ваши уважаемые священнослужители? Почему они не умирают вместе с вами?..

— Позвольте, — с достоинством возразил «благоразумный», — мы хорошо знаем, что наши священнослужители удалились, как подобает их сану, в Гефсиманские и прочие пустыни, чтобы умереть в достойном их святости одиночестве…

— «Гефсиманские и прочие пустыни»?! Ха-ха-ха!.. Он даже и названия, как следует, не знает!.. Какие же это «Гефсиманские пустыни», когда я наверное знаю, что они благополучно скрываются на кухне, где великолепно переживут холодное время года?!

Компания теснее обступила оратора и, легкомысленно забыв о своем недавнем возмущении, закидала его вопросами:

— Где? На какой кухне? Почему же они нам ее не показывают?..

Оратор презрительно скривил рот.

— Чтобы они вам указали свое местопребывание? Как бы не так! Ведь тогда в их святом убежище соберется столько мушиного народа, что человек принужден будет купить липкой бумаги и прочих орудий истребления, чтобы разрядить густоту мушиного населения. Ну, и понятно, вместе со всеми достанется и уважаемым жрецам!..

— Где же, где эта кухня?.. Скажите, гражданин, вы знаете?

— Конечно, знаю. Я только что прибыл оттуда, и прибыл специально для того, чтобы спасти вас, несчастных, от неминуемой смерти, ибо жрецы вычислили, что через пять дней

выпадет снег…

— О! Какой вы благородный! Самоотверженный! Как мы вам признательны!.. Но, скажите, где же эта славная кухня?

— Нужно перелететь через двор…

— Через дво-ор?! — Лица слушателей вытянулись. — Но ведь там холод, ветер, дождь! Мы погибнем во время перелета!..

— А я погиб?

— То вы!.. Вы отчаянный… Нет, уж мы лучше переживем как-нибудь здесь вместо того, чтобы подвергать себя смертельной опасности…

Разочарованные слушатели расползлись по столу.

— Дурачье! — сказал оратор и, покинув компанию, пролез в трещину оконного стекла, чтобы отважно ринуться через грозное пространство двора.

— Вот так черт! — воскликнул Николка, протирая глаза. — Дьявольски похоже! Можно подумать, что они копируют нас…

— Да! — отозвался врач, заканчивая как раз свою лекцию и достигнув вершины педагогического красноречия. — Недаром Лоренц Харль сделал аналогию, что тело насекомого представляет собою маленькую радиостанцию, своими волнами заполняющую все доступные земные пространства… В мире невидимых деятелей таятся чудеса. И можно предположить, что там знают о таких вещах, которые нашим мудрецам даже во сне не снятся…

Николка сообразил, что его восклицание пришлось кстати, и не пытался разубедить врача в противном; тем более, что увлекшийся лектор, благополучно введя в гавань корабль красноречия, погрузился в глубокое философское размышление. Одинаково не хотел Николка сообщать ему и о беседе мух:

«Очень нужно! Прежде всего, я не уверен, что это было. Может быть, я заснул под лекцию „Скальпеля“, и он поднимет меня на смех… А если поверит — еще хуже! Распространится на новую версту…»

Итак, приятели размышляли. Каждый о своем. Но так как размышление свойственно, главным образом, пожилому возрасту, то младший из друзей вскоре был увлечен новым явлением.

Они находились на краю стакана, обильно покрытом полужидким сахаром. На этом сахаре уже успел завестись целый мир бактерий. Муха ползала взад-вперед, грея свое иззябшее тело, и отведывала то от одной, то от другой сахарной кучки, безжалостно топча при этом бактериальную флору и отправляя ее громадными партиями в свой ненасытный желудок. И все-таки мир бактерий возрастал и возрастал, как будто откуда-то прибывало новое и новое пополнение.

Пораженный этим событием, Николка наконец решился нарушить нирванозное состояние врача: откуда, мол, это берется?

Врач, встряхнувшись, отвечал с тем обычным удовольствием, с которым он всегда поучал своего спутника:

— Каждая бактерия, — говорил он, — через каждые двадцать-тридцать минут делится пополам — таков их способ размножения. Вновь образовавшиеся бактерии тоже через этот срок подвергаются такому же делению и т. д., и т. д… Так что, если здесь было, когда мы сюда прибыли, 100 бактерий, то уже через 20 минут их будет 200, еще через 20 минут — 400, через час — 800, через 2 часа — уже 51 200, через три — около 500 000, через 6 часов — больше 200 000 000.

— Что вы говорите?! — в ужасе вскричал Николка. — Давайте скорее удирать отсюда, а то мы не заметим, как они нас слопают!.. А Сванидзе? Что будет с несчастным Сванидзе?..

— Мой друг, — продолжал спокойно врач, — я забыл сказать, что такое размножение возможно только при исключительно благоприятных условиях… В жизни эти условия выпадают редко. Вот вы сейчас увидите, — он указал на световой луч, перешедший на стакан, — как будут гибнуть бактерии от солнца.

Действительно, как только солнечный луч, который представлялся приятелям в виде широкого потока волнообразно колеблющихся жидких материальных частиц — частиц даже для их зрения чрезвычайно мелких, — как только луч коснулся места, наиболее богатого бактериями, оживленная деятельность их вдруг замерла. Бактерии стали утрачивать свою подвижность, затем потеряли очертания, расплылись, как бы растаяли от жгучего потока, и изо всего огромного количества их осталась какая-нибудь пара другая, изможенная и обессиленная.

— Вот это я понимаю! — чуть не сорвавшись с мушиной лапки, воскликнул восхищенный Николка. — Ай да солнце, солнце красное!

— Да, товарищ Даниленко, — снова входя в роль лектора, заговорил врач. — Солнце — наш лучший союзник в борьбе с невидимыми врагами. Не будь его, человечество давно бы погибло… Теперь вам не будет странным, если я скажу, что в пасмурную погоду гораздо обширней распространяются всевозможные болезни, чем в ясную, солнечную. И не странно, что солнце считается лучшим лекарством от многих болезней… Но, имейте в виду, у бактерий существуют и другие истребители, кроме солнца. Так, бактерии не переносят сухого воздуха. Последнее станет ясным, если я скажу, что для их питания необходима вода. Они могут принимать пищу только в жидком виде и при недостатке влаги рано или поздно погибают. Однако

даже при отсутствии этих двух истребительных факторов, размножение бактерий через некоторое время прекращается само собой. Тут играет роль наличие пищи. На этом же самом стакане ее имеется ограниченное количество, и если бы наших бактерий не погубил солнечный луч, они стали бы гибнуть через некоторое время от недостатка пищи…

Между тем, мухе, — хотя сомнительно в высшей степени, чтобы она слышала поучение врача, — мухе стало скучно… Она почесала задними лапками спинку, потянулась, зевнула и переползла за край стакана, чтобы напиться тепловатого чаю. Почти погрузив в него передние лапки, на одной из которых сидели врач и Николка, она с не покидавшим ее аппетитом заработала хоботком. Приятели тоже ощущали жажду и, поборов чувство брезгливости, рискнули разделить с мухой сванидзевский чай. Для этого им пришлось только наклониться и пустить в ход пригоршни: чай для них был густой, как кисель.

Но в этом миру всякое благополучие — весьма недолговременно, и благополучие приятелей опять нарушилось новой несчастной случайностью…

Холерный вибрион, про которого они забыли и который все-таки существовал, имея местопребывание недалеко от них, вдруг сорвался и шлепнулся в чай… Впрочем, он далеко не уплыл: густая жидкость связала его движения, и он бессильно бултыхался на поверхности.

Понятно, приятели обеспокоились таким положением вещей: Сванидзе мог вспомнить каждую минуту о своем завтраке и, тем более, об остывшем стакане чая… Врач предложил: не медля ни одной секунды покинуть муху и убить вибриона. Так они и сделали. Прыгнули вниз, сначала погрузились в чай, потом выскочили, как пробки, и устремились на вибриона. Тот, удивленный внезапным появлением соседей, равных ему по росту, вздумал было обратиться в бегство; но из этого ничего не вышло, он только метался из стороны в сторону и, правда, больно хлестался хвостом, защищаясь от нападения.

Врач и Николка, благодаря своим четырем конечностям, двигались в несколько раз проворней его. Вибрион барахтался, отчаянно отбиваясь, но в конце концов распростился с жизнью.

…но в конце концов распростился с жизнью.

Гордые своим подвигом, избавившим Вано Сванидзе от смертельной опасности, приятели направились к берегу, чтобы попасть в более свойственную им стихию, и через несколько минут, карабкаясь по бугроватой от сахара стенке стакана, достигли этого.

— Ваш дальнейший план, доктор? — спросил Николка,

обматывая себя и врача шерстяным волокном, так как их положение на борту стакана было очень шатким из-за поднявшегося свирепого ветра.

— Мой дальнейший план… — начал врач и не кончил: вихревое течение воздуха сорвало их со стакана, бросило вверх мимо приблизившейся вплотную синей туманности, закрутило, завертело и куда-то понесло…

— Значит, без руля и без ветрил? — успел кинуть неунывающий Николка.

Кувыркаясь друг около друга, они поплыли в воздушном течении, сталкиваясь и обгоняя всевозможные предметы, знакомые им по одеялу, и встречая много совершенно не знакомых…

Через некоторое время им удалось поймать равновесие и принять позы более удобные.

— Приятная штука, доктор?..

— Н-да… А если течение изменится? Скажем, вниз?

— Но ведь оно пока не изменилось? Чего заранее горевать!..

Пролетавшее мимо небольшое птичье перышко, — скорей пушинка от очень мелкой птички, — показалось Николке хорошим экипажем, поэтому он резко дернулся в ее сторону, заставив врача потерять равновесие и закувыркаться. Пушинку удалось поймать, и не без некоторого труда приятели оседлали ее. Она была настолько просторной, что могла вместить добрый десяток других существ, равных по росту и по весу нашим друзьям, и все-таки оставалась величиной микроскопической.

С нового экипажа можно было наблюдать за пролетавшими рядом и мимо разнообразными предметами, не боясь потерять равновесия.

… с левого экипажа можно было наблюдать.

На кусочке высохшей мокроты пронеслись мимо старые знакомые — туберкулезные палочки с примостившимися около них диплококками и палочками инфлюэнцы. Это породило в уме Николки вопрос:

— Какие болезни еще могут передаваться через воздух?

Врач не замедлил с ответом:

— Туберкулез, инфлюэнца, воспаление легких — вы уже знаете затем: испанская болезнь, легочная чума, сап, рожа — это главнейшие; затем корь, дифтерия и другие, которые…

Злая ирония судьбы: опять «неведомые силы» помешали врачу высказаться до конца — их легкий воздушный корабль вдруг закрутило, кинуло вверх, вниз, и с головокружительной быстротой он стал падать.

— Летим в воду, — невозмутимо закончил врач. — Такие столбовые воздушные течения обыкновенно наблюдаются над

поверхностью вод… У вас в комнате есть большие сосуды с нехорошей водой?..

5. — В болоте. — Приятели уподобились библейскому Ионе. — Зоология простейших. — Николка приходит в ярость из-за дизентерийной амебы. — Скальпель говорит о гидре, проникается кровожадностью и порождает большие следствия. — На усике комара. — О малярии и капиталистическом режиме. — Скальпель декламирует. — Самка малярийного комара кладет яички

Врач ошибся и не ошибся, перышко упало в воду, но не в таз и не в ведро, как он предполагал, думая, что они продолжают находиться в комнате; перышко упало на широкую зеркальную поверхность кристаллически чистой и ничем не испорченной воды. Падение его было ослаблено встречными токами, идущими снизу; поэтому приятели плавно, без малейших толчков, совершили опасный спуск и не потеряли своего экипажа.

Из того, что их гоняло легким ветерком в разные стороны, что над ними простиралось новое «небо», отливающее не синими, а радужными тонами, и сыпался беспрерывно волнообразный дождь светлых частиц, отражающихся от водной поверхности вверх и образующих сетку перед глазами, когда они попадали в полосу солнечных лучей; из того, что стало значительно прохладней, можно было сделать заключение относительно нового местоположения.

Вне сомнения, оно находилось под открытым небом и, судя по отсутствию течения, представляло собой если не пруд или озеро, то, во всяком случае, порядочную лужу. О размерах ее ничего нельзя было сказать: приятели видели лишь один берег в виде неясной, темной полоски на горизонте и не видели остальных.

Легкий ветерок подхватил их суденышко в направлении к

этому берегу и примчал на всех парах в места, кипевшие шумной деятельностью. Одеяльный мир показался пустыней в сравнении с тем, что увидели здесь ошеломленные друзья!

И подводное, и надводное пространство, и поверхность воды — все было заполнено самой разнообразной, фантастической и многомиллионной жизнью, бившей ключом и обнаруживавшей изумительную подвижность. Вот где действительно спешили жить, спешили использовать последние солнечные деньки перед тем, как погрузиться или в долговременную, или в вечную спячку!

В первые минуты друзья впали в столбнячное состояние, пораженные и громадной численностью и гигантскими размерами самих организмов… Николка, по скверной привычке, то и дело испускал свою поговорку:

— Вот так черт!..

Скальпель открывал и закрывал рот, как рыба, выброшенная на берег.

Как только их суденышко врезалось в самую гущу этой жизни, — жизни с отношениями вполне установившимися, где каждый организм знал свое место, своих врагов и друзей, — привычное течение ее нарушилось, впрочем, не надолго.

Существа, не обладавшие большими размерами, врассыпную ударились от него в бегство, но понаблюдав издалека и убедившись в его неодушевленности и полной безвредности, успокоились и вернулись к прежней деятельности. Гиганты же подводного и надводного царства наперебой устремились к нему, тесня друг друга и заставляя зеркальную поверхность вод будоражиться в громадных волнах…

Приятели пережили жуткий момент. Плотно прижавшись ко дну перышка, они лежали, что называется, ни живыми, ни мертвыми. Их суденышко кидало, опрокидывало, заливало водой, погружало во тьму и зловоние, подбрасывало саженей на пять (микроскопических!) вверх, снова захлестывало, перевертывало… и так в продолжение томительных шести-семи минут… Можно с уверенностью сказать, что они побывали в пасти доброй полсотни чудовищ и, как библейский Иона, изрыгались обратно за полной своей несъедобностью. Конечно, за спасение жизни они должны были благодарить свой экипаж. Если бы они плавали без него, дни их славного существования оборвались бы в утробе какого-нибудь водяного или надводного исполина…

… приятели пережили жуткий момент.

— Уф… жарко! — промолвил Николка, осторожно выглядывая из-за борта обмусоленного перышка и убеждаясь, что их наконец оставили в покое.

Скальпель еле дышал:

— Д… да… действительно… Но я бы, пожалуй, отказался от второй такой бани…

Благоразумно выждав еще некоторое время, приятели рискнули подняться, чтобы произвести рекогносцировку. Берег стоял далеко. Поверхность воды окончательно успокоилась, если не считать тех волн, которые производили так называемые водомерки — насекомые на длинных ногах, скользившие по воде, как по льду. Последние в своем стремительном беге неоднократно натыкались на перышко и, ощупав его усиками, поворачивали обратно. Друзья получали легонькую встряску; тем столкновение и ограничивалось. Остальной животный мир уже не обращал на них никакого внимания.

— Кажется, мы теперь можем заняться зоологией простейших, — не без тайного смакования выговорил врач, пожирая глазами обильный материал, могущий вдохновить любого лектора на трехчасовую тему.

— Зоологией? — Николка, отрицательно относившийся к иностранным словам, конечно, к тем, которых не знал, поднял брови.

— Ну да. Изучением жизни простейших животных, — поправился врач и, не ожидая согласия, в котором он не сомневался, зная любознательность друга, приступил:

— Видите ли вы вон там животное с четырьмя пышными перьями на голове, которое прыжками… приближается как раз к нам? — последние слова были подернуты легкой тревогой… Справедливость требует отметить, что тревога эта относилась целиком к безопасности лекции.

— Это — водяная блоха…

Названное животное приблизилось к перышку, получило от Николки в ту же секунду здоровенный удар дубинкой по голове и поспешно ретировалось. Врач вздохнул с облегчением:

— Это — водяная блоха. В нормальном своем виде она не больше булавочной головки и окрашена в красный цвет. Если вы когда-нибудь видели болото, подернутое красным флером, это — блохи, размножившиеся в столь невероятной степени… А вот те, не отличающиеся большими размерами, с длинным жгутом на передней части тела и как бы с одним глазком в голове, те — существа микроскопические и окрашенные в зеленый цвет. Они так и называются: зеленые эйглены. Эйглены в периоде своего размножения обусловливают зеленый цвет стоячей воды… И те, и

другие в жизни человека не играют никакой роли. Зато вот тот старый знакомец, с породой которого мы имели удовольствие столкнуться на одеяле, тот, что, не имея определенной формы, выпускает в любой части своего студенистого тела такие же студенистые ножки, тот…

— Это амеба, — не вытерпел Николка, давно узнав старого знакомого.

— Да. Это — амеба. Но перебивать не надо… Какая это амеба? — спрошу я вас…

— Амеба и больше ничего! Вот я ее сейчас палкой тресну!.. — Николка слишком хорошо помнил ее мощные объятья.

— Оставьте ее в покое. Это не та, что так жарко обнимала вас… Это — амеба, вызывающая у человека тропическую дизентерию…

— Тем хуже для нее… — Николка перегнулся через борт экипажа и лихорадочно следил за приближением недруга.

— Прошу вас, оставьте! — умолял врач. — Может выйти неприятность…

Но если Николка что-нибудь вбил себе в голову, трудно было уговорить его. Лишь только амеба подплыла на расстояние вытянутой руки, он изо всех своих неутомимых сил хватил ее дубинкой и… предчувствие врача сбылось… Амеба резко втянула в себя дубинку, перышко заколыхалось, Николка потерял равновесие и плюхнулся в воду…

Во мгновение ока к нему со всех сторон устремилась кровожадная живность…

— Я говорил! Я говорил! — лепетал Скальпель.

Если бы не канат, которым они были связаны, Николка достался бы на завтрак водяной блохе… Врач вовремя успел вытянуть его из воды… Суденышко обступили хищные пасти, плотоядно чавкающие; а спасенный, обозлившись на неожиданную ванну, принялся угощать их дубинкой врача.

— Я заставлю их уважать человека! — повторял он, нанося удар за ударом. — Это вам не какая-нибудь блоха, а человек, покоривший природу!..

— Ну, довольно, довольно! — успокаивал его врач. — Вы и так внесли панику в их ряды…

Наконец, вследствие панического бегства неприятеля, избиение прекратилось. Но разъяренный Николка продолжал потрясать дубинкой:

— Это вам не человек! Тьфу, — не блоха! Я заставляю вас, черт подери…

Скальпель решил, что лучшим средством к успокоению разошедшегося компаньона будет продолжение лекции:

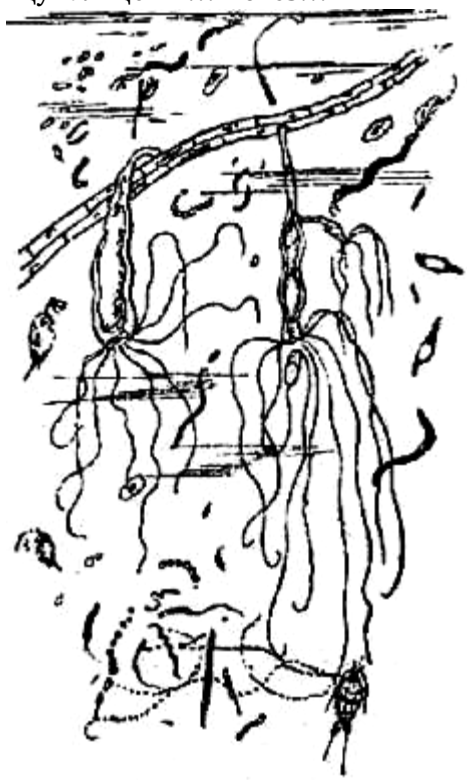
— Видите ли вы вон то…

— Вижу, вижу! Черт возьми, вижу! Я заставляю их…

— …вон то растение в глубине, растущее на камне и змеевидно двигающее своими отростками?.. Напрасно вы думаете, что это — растение!.. Наука говорит, что это — животное, так называемая пресноводная гидра. В естественном своем виде она достигает двух сантиметров в длину и имеет зеленую окраску. Собственно говоря, она, как и большинство простейших организмов, стоит на грани между растительным и животным царствами. Своим способом питания она приближается больше к последнему, чем к первому; поэтому — и еще благодаря отношению к кислороду — ее называют животным. Питается она мелкими водяными животными, не сходя с места и лишь работая своими змеевидными щупальцами. В щупальцах ее…

— Я вижу… — перебил совсем успокоившийся Николка.

— Я вижу, как из одного щупальца выскочила длинная нить и схватила приблизившегося к нему водяного паучка… Вот теперь этот паучок сократившимся щупальцем отправился в место соединения всех щупальцев и… исчез…



… вон то растете в глубине.

— Очень хорошо. Он исчез в прожорливой глотке гидры. Как раз ее глотка находится в этом месте. Но подождите. Я не досказал, что в щупальцах гидры находится не одна такая нить, а несколько. Они называются крапивными нитями. Пока нет никакого раздражения, они скрыты в особых капсулах. Но как только к щупальцу приблизится какой-нибудь неосторожный микроскопический рачок или паучок, крапивная нить выскакивает из капсулы, вонзается в тело неосторожного, и через нее в ранку изливается особая жгучая жидкость, парализующая или совсем убивающая вообще всяких мелких животных. Таков способ питания зеленой гидры. Он, как видите, сильно не похож на способ питания растений, обыкновенно высасывающих свою пищу корнями из почвы… Зеленая гидра интересна еще одной своей способностью. Это животное, живущее в сожительстве с микроскопическими одноклеточными водорослями. Не следует удивляться (Николка и не думал удивляться, привыкнув к чудесам этого мира), не следует удивляться, так как среди высших животных имеются еще более странные сожительства: вспомните морского рака — отшельника, который селится в чужой раковине, предварительно украшая ее морскими розами. От такого рода сожительства выигрывают обе стороны. В нашем случае гидра поступает куда сложней рака. Она глотает и отправляет в полость своего тела мелкие шарообразные водоросли. Но она не переваривает их, а распределяет в наружной оболочке своего тела. Водоросли имеют зеленый цвет, благодаря чему гидра тоже становится зеленой. Последним она обманывает тех животных, которыми питается. Они принимают ее за невинное растение и доверчиво приближаются к ее страшным щупальцам. Дальше вы видели, что происходит…

— А что получают взамен того водоросли?

— Подождите. Скажу. От сожительства с водорослями гидра выигрывает еще в одном отношении — более существенном и важном для ее жизни. Дело в том, что гидра, подобно прочим животным, для дыхания нуждается в кислороде (кислород — это газ, составная часть воздуха), но она не может извлекать его ни из воды, ни из воздуха, так как совсем не имеет органов дыхания. Водоросли же, включенные в ее тело, подобно всем растениям, нуждаются в углекислоте (тоже газ), они поглощают ее из воды и разлагают на углерод и кислород. Углерод идет на построение их организмов, а кислород отдается, целиком гидре, в которой они живут и которая так нуждается в этом животворящем газе.

Теперь о пользе, приносимой другой стороной. Получая от водорослей кислород, гидра образует из него в своем теле углекислоту, которая так нужна водорослям, и они ее получают

от своего сожителя в изобилии. Кроме того, находясь в организме гидры, водоросли имеют еще одно жизненное преимущество: они избегают опасности быть проглоченными многочисленными водяными хищниками… Это один из многочисленных примеров мирного сожительства, сожительства, направленного к общей выгоде обоих участников, что в науке обозначается именем «симбиоза». Из вышеизложенного следует…

— Следует, что я должен пустить в ход свою палку, — включил Николка в речь врача полную глубокого смысла фразу.

Увлекшийся лектор не замечал, что почти с середины его речи их суденышко упорно атаковал комар, вернее, мошка, превосходившая наших приятелей раз в десять. Николка долго терпел, не желая прерывать интересной лекции, но как только мошка, совсем обнаглев, ткнула его острым хоботком в голову, он решил реагировать.

— Смажьте ее в глаз, — посоветовал Скальпель, проникаясь вдруг кровожадностью из соображений академического порядка.

До глаза Николка не достал и удовлетворился тем, что «смазал» мошку по хоботу, но так увесисто, что последний перегнулся пополам, а мошка, отчаянно визжа, закрутилась на одном месте. Визг ее был настолько резок, что врач потерял настроение продолжать лекцию. В довершение всех неприятностей мошка упала в воду рядом с перышком, продолжая кружиться и взлохмачивая поверхность саженными волнами. Вокруг нее не замедлили собраться водяные хищники. Это породило новую бурю…

— Смотрите, как нужно быть осторожным, — хмуро резюмировал врач. — В этом миру малые причины порождают большие следствия…

Он снова оказался пророком. Громадное животное — по всей вероятности, лягушка (приятели не могли охватить ее глазом) — обеспокоенное скоплением в одном месте большого количества живности, покинуло недра лужи и, высунув морду, слизнуло с взбаламученной поверхности десятка три из нарушителей порядка. В этот же миг камнем упало сверху еще более громадное животное — очевидно, птица; лягушка повисла в крючковатых лапах ее, продолжая делать плавательные движения. Птица, хлопнув крыльями по воде, вместе со своей жертвой торжественно-плавно вспарила кверху. Перышко приятелей, плясавшее дикую тарантеллу на гребнях волн уже в момент появления лягушки, при появлении воздушного хищника оторвалось от воды, выкинуло пассажиров, как ненужный балласт, и скрылось неизвестно куда… Пассажиры были подхвачены водоворотом событий и воздушным смерчем,

взревевшим, как две тысячи котов… (Последнее сравнение не гиперболизировано: ведь наши путешественники слышали звуки от столкновения бесчисленных молекул-частиц, из которых состоит воздух).

Повторяя во всех деталях программу, выполненную ими целиком во время первого полета со стакана, они понеслись с быстротой метеоров, успевая, однако, делиться впечатлениями.

Врач говорил, вращаясь вокруг воображаемой оси и не замечая, что встречные молекулы крали у него окончания слов и целые: слова:

— Музык… не из… прият… да… тим?.. Как дума?., дем… вод?..

Это нужно было так понимать:

— Музыка не из приятных… Куда летим? Как думаете? Упадем в воду?..

В интересах истины следует отметить, что Николка понимал его хорошо без всяких комментариев. Представляя точную копию своего товарища, уподобившегося новообразованному звездному телу, он отвечал:

— Ерунда!.. Первое животное — это лягушка, а второе — цапля… Я знаю наверное!..

Их воздухоплавание закончилось на усике комара, реявшего в туче себе подобных. Сюда они сели с выключенным мотором, т. е. проглотив от страха языки, планирующим спуском.

Заметив, что комар совершенно игнорировал их и без всякой предвзятости, так как он был слишком громоздок, чтобы замечать прибыль в весе, приятели успокоились и осмотрелись.

— Тихая пристань, — сказал врач, — здесь бы я согласился побыть немножко больше…

— Это притон разбойников, — прокаркал Николка, — увидите, что мы снова попадем в переделку.

Кто из них был прав, покажет будущее.

Тучи комаров вились в осоке и над нею, трубя звонкую песнь любви; от этой песни приходилось затыкать уши. Ниже москиты справляли свой праздник, сплошной завесой повиснув над поверхностью воды. Стрекозы — пестрые, красные, сине-вуалевые, как гигантские «Юнкерсы», либо резали заполненное жизнью пространство, разгоняя всех с дороги, либо стояли неподвижно в воздухе, едва шевеля крыльями. Все участники осеннего праздника, каждый по-своему, выражали свои чувства: трубили, жужжали, звенели; а в общем, составляли многоголосый и дружный хор, отвратительно действующий на нервы невольных слушателей.

— Знаете, друг, — пытаясь рассеять пессимистическое настроение Николки, сказал врач. — Мы с вами попали на малярийного комара…

— Надеюсь, он нас не укусит? — кратко ответствовал тот, крепко сжимая свое единственное оружие — дубинку врача, с которой он решил не расставаться, несмотря ни на что.

— Нет, этого он не может сделать при всем своем желании… А знаете ли вы, как отличить малярийного комара от обыкновенного?

— Не знаю. — Николка не был склонен к разговору.

— У малярийного комара пятнистые крылышки, и еще…

Николка плохо слушал, и врач оборвал свою речь, решив выждать перемены настроения друга.

Между тем невнимательный слушатель не имел дурного настроения, как можно было вывести из его лаконичности, он просто с головой ушел в наблюдения. Он следил за той очередью, по которой комары, реющие вверху стаи, вдруг опускались в середину и затем в ее нижние пределы, в то время как снизу в той же последовательности взамен их поднимались другие. Он ждал, когда дойдет очередь до их комара, и приблизительно даже высчитал этот момент.

— Ага! Так я и знал! — наконец промолвил он с большим удовольствием, когда ожидаемый момент настал. Врач похвалил его за наблюдательность и, так как внизу открылось обширное водное пространство, с места в карьер приступил «к исполнению своих обязанностей».

— Видите ли вы, — начал он старым трафаретом, — вон те ладьеобразно сложенные кувшинчики, плавающие в воде?.. Это — яички, из которых выводятся обыкновенные комары…

— В воде? — недоверчиво переспросил Николка. — В воде выводятся? Комары?

— Ну да. Не думаете ли вы, что комары из любви к чистоплотности держатся около стоячих вод? Ошибаетесь в таком случае. Вода (стоячая вода, а не текучая) — родина комаров. Здесь проходит их детство, отрочество и юность… Детству как раз соответствует стадия яичек, отрочеству — стадия вон тех волосатых гусениц, что держатся под водой, но около самой поверхности; они выводятся из яичек, в науке их принято называть личинками; юности соответствует стадия куколок — вон они рядом с личинками, очень похожи на куколок бабочек. И лишь зрелый возраст комаров проходит в воздухе…

— Так… А вот те яички, что сложены звездообразно и в ленточки, тоже комариные?

— Я хотел о них говорить. Эти полосатенькие яички — тоже комариные. Но из них выводится уже малярийный комар, наш заклятый враг, причиняющий столько вреда человечеству…

— Доктор, как это происходит, что комар заражает человека?

— О! Весьма просто! Здесь получается, некоторым образом, заколдованный круг. Комар сосет кровь человека, больного малярией. Вместе с кровью он высасывает из него малярийную заразу, так называемых малярийных плазмодиев — они тоже относятся к знакомым нам простейшим одноклеточным животным. Плазмодии эти живут только в крови человека и в комаре, в другом месте их нигде не встретишь… Так вот: насосавшись такой крови, комар через некоторое время садится на здорового человека, кусает его и вместе со слюной выпускает в его кровь малярийных плазмодиев… Видите, какой круг получается!..

— И этот круг нельзя разорвать?

— Можно. И можно разорвать в двух местах. Первое, это — излечить человечество от малярии. Малярия лечится хинином. И как только перемрут все зараженные комары, новые поколения их уже не смогут заражаться, ну и, ясно, не смогут заражать. Это — одна возможность. Другая: уничтожить всех комаров. Тогда некому будет передавать заразу от больного человека к здоровому. А больных можно лечить исподволь.

— Как же уничтожить комаров? Их такая гибель?

— Наука уже давно разработала необходимые для этого мероприятия. Мероприятия эти многочисленны и разнообразны, но вполне достаточно было бы двух-трех из них, чтобы навсегда распроститься с комарами, а следовательно, и с малярией. Нужно только сговориться и действовать дружно, сообща. К самому главному, радикальному относится осушка всех болот, трясин, вообще всех не проточных, стоячих вод. Этим уничтожились бы места разводки комаров. Кроме стоячей воды, они нигде не могут размножаться. А те водоемы, которые необходимы для разных технических и других целей и которые нельзя уничтожить, можно заливать нефтью, керосином или другой какой жидкостью, равномерно распределяющейся по поверхности. (Личинки и куколки дышат воздухом, поэтому они плавают у поверхности воды; как только слой густой жидкости преградит им доступ воздуха, они погибают). И еще есть исход. Ведь многие стоячие водоемы нельзя портить такими веществами, как керосин или нефть, тогда можно прибегнуть к другим средствам. Достаточно в таких водоемах развести мелких рыб, и яички, личинки и куколки комаров будут регулярно уничтожаться. Или в окрестностях развести летучих мышей… Эти яростно уничтожают самих комаров… Э… э… да что там! Средств — хоть отбавляй! Дело не в недостатке средств…

— Но, доктор, ведь эти мероприятия будут страшно дорого стоить! Разве возможно по всему земному шару, скажем,

уничтожить все болота?! Это смешно и немыслимо!..

— Уверяю вас, — рассердился врач, — что эти мероприятия займут, может, быть, всего одну тысячную тех средств, которые ежегодно тратятся капиталистическими державами на войну и вооружения!..

— А! Это другое дело, — быстро согласился Николка. — Тогда, значит, еще один лишний повод распрощаться с капиталистическими державами…

— Ну, в этом я не компетентен, — уклончиво возразил «аполитичный» врач. — Если я упомянул о «войне и вооружениях», то поверьте, не в целях агитации…

Николка весело, откровенно смеялся…

День клонился к закату; значительно посвежело и потемнело. Приятели закутались в импровизированные плащи и молча наблюдали, как радужные тона неба постепенно гасли и исчезали. Редели потоки световых частиц, редели и комариные стаи.

— Где-то мы сегодня заночуем? — обеспокоился врач. — Здесь дьявольски холодно!..

Но их комар, казалось, не думал о ночевке. Он вылетел из общей стаи и, низко-низко спустившись к воде, носился над ее поверхностью, около берега. В одном месте его что-то остановило. Внимание приятелей в это время отвлеклось в другую сторону, и они не сразу поинтересовались узнать о причине остановки. Их поразило полное и резкое исчезновение радужного света и появление синего, разраставшегося в своей интенсивности с бешеной прогрессией. Окрестности приняли тот фантастический вид, который вызывал воспоминание об одеяльном царстве: исчезли полутона и тени, резко очертились все предметы, заколебался воздух, как синее море в непогоду.

Скальпель попытался объяснить, впадая в неудачную декламацию:

— Вечер. Закатилось солнце. Наступил час усиленной умственной работы: собрания, комиссии, клубы, читальни, кружки; беллетристы пишут свои произведения, поэты строчат стихи. Усиленно излучается психо-энергия. С каждой минутой увеличивается ее напряжение… Полыхают синие волны, все прибывая и прибывая…

— Н-да… — заключил Николка, чувствовавший себя неловко во время скальпелевской декламации д-ра Скальпеля. — Теперь посмотрите вниз, только не декламируйте больше…

Врач нисколько не смутился и немедленно перешел в лекционный тон:

— Это — самка малярийного комара. Видите, у нее на крылышках черные пятна. Она собирается класть яички…

В самом деле, их комар задержался, рея в воздухе как раз над своим товарищем, который, сидя на плавающем листочке, спустил конец брюшка в воду и откладывал яичко за яичком.

Николка считал и насчитал их до двухсот штук, когда самка, обессилев от кладки, свалилась в воду и тотчас же была погребена в пасти какого-то животного.

— Вот так номер! — вскричал Николка, — снесла яички и помирай? Может быть, это случайность?

— Нет, — отвечал врач. — Это правило, имеющее очень малые исключения. Самки сильно истощаются во время кладки и обыкновенно умирают после нее. Зато они дают жизнь сразу двумстам комаров…

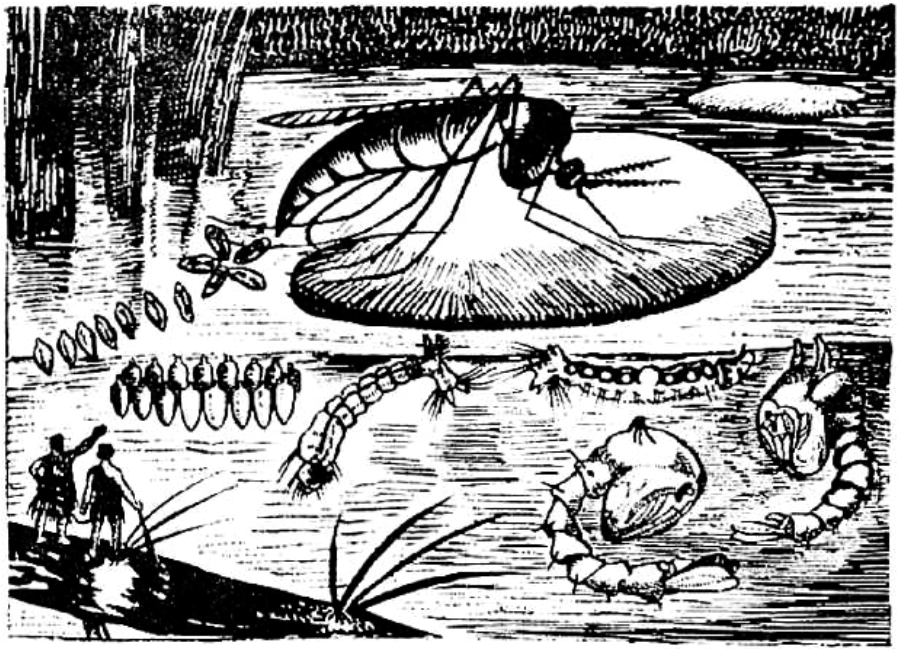
— Значит, с этой минуты на свете стали больше переносчиков малярии на целые две сотни?

— На сотню, — поправил врач, — потому что малярию передают только самки комаров… Из яичек выводятся они поровну: сто самок и сто самцов… Самцы не кусают человека. Вообще, они не нуждаются в крови.

— А почему самкам нужна кровь?

— Этого, мой друг, я не знаю достоверно. Но в науке есть предположение, объясняющее удовлетворительно потребность самок в крови… Вы видели, как обессилела самка после кладки? Очевидно, для этого требуется большое напряжение, и надо думать, что, если бы она предварительно не напилась чьей-либо крови, то не была бы вообще способна на кладку…

Комар приятелей, с интересом следивший за своим товарищем, после падения его в воду отчаянно затрубил, заметался над водой и вдруг, как бы вспомнив что-то, решительно повернул от болота и понесся вдаль.



— Это самка малярийного комара, — сказал врач.

— Поверьте моему слову, — сказал врач, — наш комар, удрученный происшествием, летит к человеческому жилью, чтобы напиться крови… Ведь это тоже самка!

6. — На губе у деда. — Дед заражается малярией. — «Умный» комар оправдывает доверие Скальпеля. — Убежище на оштукатуренной стене. — : Посадка малярийного и обыкновенного комара. — Воздушный шторм. — Скальпель делает предположение, что они попали на вулкан. — Сон Николки — сон в руку. — Ночной гость. — Бежим! — Как обрушилось «небо» и что из этого вышло

И на сей раз предсказание врача сбылось. Если бы приятели могли видеть, как видит нормальный человек, они узнали бы свою улицу, по которой теперь летел их живой самолет. Они почувствовали жилье только тогда, когда он проносился мимо окон: оттуда веяло теплом.

Комар нашел трещину в одном из окон и, радостно трубя, влетел внутрь. За столом сидела семья — приятелям она представлялась в виде отдельных синих туманностей — и оживленно беседовала. Две туманности особенно дымили трубками; дымовые частицы, величиной с голову (микроскопическую!) атаковали комара (попало и его пассажирам), и он, весьма недовольный, опрометью бросился в сторону.

В темном углу на полатях мирно спал человек. Когда комар опустился к самому его лицу, приятели различили лес седых волос. Покружившись с громким жужжанием, чтобы узнать, насколько крепко спит его жертва, кровопийца сел на заросшую бородой щеку и, попутешествовав немного, остановился на губе.

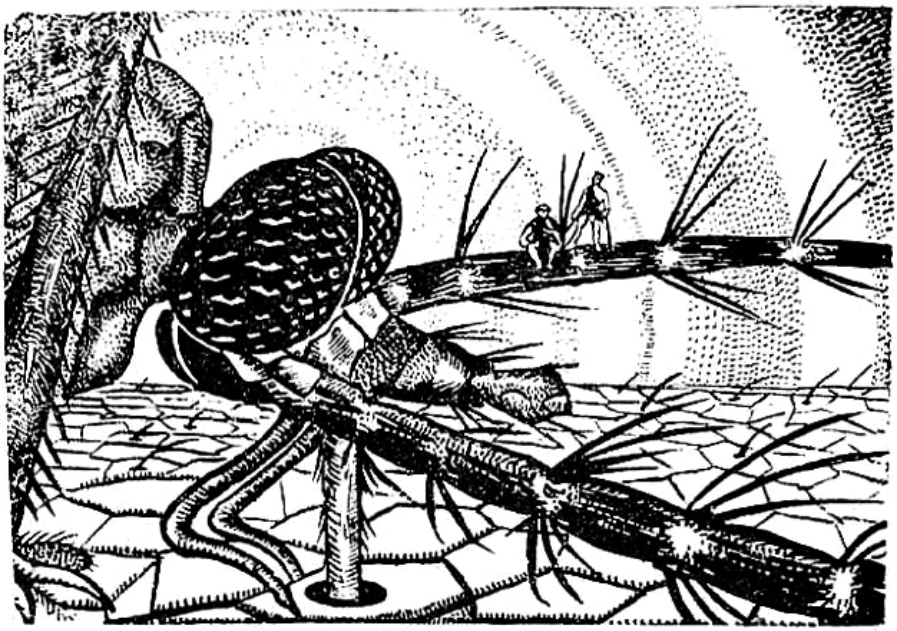
— Ну, — промолвил Николка, — если дед теперь проснется да стукнет рукой слегка, от нас немного останется…

Дед, к счастью приятелей и к своему несчастью, не просыпался. Комар, нащупав на его губе наиболее тонкую кожу,

приладился и вонзил хоботок, постепенно проталкивая его все глубже и глубже до тех пор, пока он не скрылся на добрых три четверти своей длины.

Друзья подняли оглушительный, как им казалось, крик. Во всяком случае, они ревели очень добросовестно. Ничего не помогало, и им невольно пришлось быть безучастными свидетелями кровавого процесса.

Вначале были заметны лишь сверлящие движения хоботка. Затем комар задрожал — добрался до крови — и вдруг через прозрачный хоботок потекла вниз белая жидкость.



… Комар вонзил хоботок в кожу…

— Расчувствовался и слюну пустил, черт полосатый! — Николка сплюнул в негодовании. А когда в слюне промелькнули вниз одна за одной острые змейки, он, легко догадываясь об их назначении, пришел в столь неописуемое возбуждение, что, не задумываясь, пустил свое единственное оружие — дубинку — в глаз отравителя. Острые змейки были малярийными плазмодиями. Комар поднял переднюю лапу, стер ею прилипшую к оболочке глаза дубинку, приняв ее за обыкновенную пыль, и, как ни в чем не бывало, продолжал свое дело.

Теперь в хоботке быстро поднимался столбик алой крови. Брюшко комара с каждой секундой полнело и наконец растянулось до того, что стенки его приняли красный цвет.

Николка неистовствовал; врач хранил невозмутимое спокойствие, зная, что «ничего здесь не поделаешь».

Отяжелевший комар с трудом извлек хоботок, расправил крылья и, затрубив победно, через ту же скважину в стекле вылетел вон из комнаты.

Снова пришлось дрогнуть и жаться от вечерней прохлады. В довершение всего полил дождь и так основательно смочил друзей вместе с их дырявыми плащами, что их верхние зубы перестали попадать на нижние.

Но это бы еще с полбеды! Комар опять прибыл на излюбленное болото и занялся тем, что так печально окончилось для его предшественника. Он стал класть яички.

— Чувствует мое сердце, — трагически простучал зубами Николка, — мы заночуем в утробе лягушки.

— Нет, — сказал врач, — этот комар — умный комар. Он знает, что промедление — смерти подобно, и вместо того, чтобы предаваться истощающей силы пляске, как обыкновенно поступают его коллеги перед кладкой яиц, он прямо приступил к этому делу… Он не упадет в воду, я ему доверяю…

«Умный» комар оправдал доверие Скальпеля. Облегчив себя в весе на двести штук яичек, он поднялся, правда, не сразу, а пошатавшись устало, в воздух и поплыл в синем океане эфира, держа направление на человеческое жилье.

— Мужайтесь, — сказал Скальпель, синий вдвойне: и от освещения, и от холода. — Мы скоро прибудем в тепло… Если наш комар останется умным до конца, он подкрепится еще чьей-нибудь кровцой… И тогда, пожалуй, выживет, чтобы зимой постоянно заражать ту семью, в которой поселится…

Николка безмолвствовал, как народ в пьесе Пушкина.

Первые пять минут комар летел довольно легко; в начале вторых — стал ослабевать, а к концу — еле плелся, отклоняемый встречными и боковыми воздушными течениями от своего пути. Он хрипло дышал и весь окутался паром.

Приятели с усика перебрались на его туловище, где было значительно теплей, и здесь ожили под влиянием благодетельного тепла. Но поведение комара их сильно смущало.

— Упадет!

— Нет!

— Упадет!

— Нет!

— Да. Пожалуй, шлепнется… — К этому соглашению они пришли, когда комар, потеряв способность сопротивляться воздушным колебаниям, кувырком летел вниз…

Летчики приготовились ко всему… Но умный комар их

надул: он нарочно спустился в нижние слои воздуха, ибо здесь было тише. Выпрямился и спокойно поплыл, держась близ земли.

Вот наконец и улица. Многочисленные синие туманности оживляли ее с обеих сторон. Комар поднялся выше и искал недолго: второй или третий дом приютил его, приняв через открытую форточку. Он пронесся над туманностью, сидевшей у стола, и прицепился к стене. Пассажиры немедленно покинули свой живой экипаж, обнаруживавший все признаки сильнейшего истощения.

На гористой стене, по-видимому, оштукатуренной, легко было найти убежище между двумя большими выступами, и приятели здесь расположились, намереваясь спокойно провести ночь. Комар продолжал сидеть, слабо цепляясь обессиленными лапками и передергиваясь всем телом.

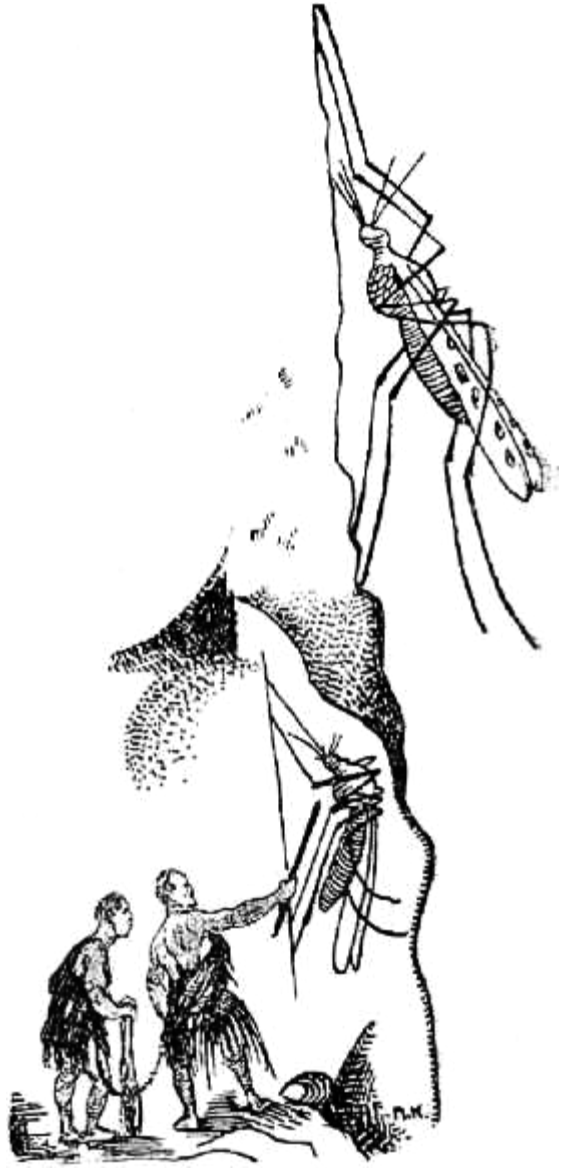
— Обратите внимание, как он сидит, — не сдержал врач профессионального зуда. — Простой комар сидит всегда сгорбившись и почти касаясь концом брюшка стены; малярийный же, как наш, высоко поднимает задний конец и все туловище держит на одной прямой линии…

Для большей наглядности Скальпель тут же начертил на стене посадку простого комара.

Николка поспешил заверить, что он понял и принял к сведению эту разницу в посадке.

День, богатый приключениями, сказался в сильной усталости, и если Скальпель был расположен к разговору, то Николка и слушать даже не хотел.

— Ну, спать — так спать! — сказал врач, приятно улыбнувшись при мысли, что они великолепно защищены от всяких случайностей, и разостлал плащ на нижнем выступе.



Скальпель начертил на стене обыкновенного комара.

Но их благое намерение потерпело жестокое крушение: только что дрема сошла на измученные тела, как сильный порыв ветра — сначала один, потом другой, третий и так без конца — заставил их проснуться, дрожа от холода.

Затем повторилась старая история: дождь гигантской пыли посыпался из воздуха, ударяясь о стену и угрожая существованию укрывшихся на ней. Комар давно свалился…

— Уж не попали ли мы опять в комнату Сванидзе и мою? — стараясь перекричать рев ветра, спросил Николка.

Врач не успел ответить на догадку приятеля. Бурный порыв выдул их обоих из углубления в стене и, завертев, закружив, понес неведомо куда. На этот раз воздушный шторм был особенно свиреп. Канат, соединявший приятелей, до боли врезаясь в кожу, не один раз грозил порваться.

Продолжалось ли это пять, десять минут или целый час — осталось неизвестным. На этот вопрос легко могла бы ответить синяя туманность — виновница бури.

Избитые, оглушенные, в полубессознательном состоянии, несчастные воздухоплаватели вдруг почувствовали под собой твердую почву. Почувствовали, но не оба. Николка, благодаря своей пролетарской закалке, не потерял сознания, а когда он, еще не будучи в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой, слабым голосом задал вопрос врачу:

— Ну как, хорошо прокатились? — то ответа не получил.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Так недолго и осиротеть в этом диковинном миру!..

С трудом поднявшись на четвереньки и руководствуясь только канатом, так как кругом стояла совершенная тьма, он пополз искать своего друга и наткнулся на его недвижимое тело. С большим облегчением отметив, что оно еще имеет температуру живого человека и некоторый пульс, Николка призвал на помощь все свои познания по медицине. Вспомнил об искусственном дыхании и с грехом пополам стал применять его.

Через пять минут врач высказал более убедительные признаки жизни: задышал.

— Вот что значит иметь понятие о медицине! — гордо произнес Николка, падая в полном изнеможении рядом со своим пациентом, начинающим оживать.

Некоторое время могло казаться, что его труды пропали даром и что он лишь напрасно изморил себя…

Отчаянно хотелось спать, но приходилось крепиться.

— Надо, чтобы Скальпель заговорил, — боролся Николка со сном, — это самый верный его жизненный признак…

Спустя несколько томительных минут прозвучал слабый голос:

— Где я?..

— Здесь! Здесь! — встрепенулся Николка и поправился: — то есть, я здесь и вы здесь…

— А теперь я сплю, — добавил он с весьма решительным видом. — Говорить не буду…

Врач задал еще два-три вопроса, но его друг самым

демонстративным образом исполнял свое слово. Нужно было ориентироваться самому.

Зрение ничего не сообщило врачу. Осязание указало на странное свойство почвы: она была теплой, густо уснащена маслом или жиром и покрыта редкой, но высокой травой. Наиболее ценные и многочисленные данные поставили слух и чувство в равновесие.

Из-под земли несся странный равномерный гул, то ослабевающий, то усиливающийся. Одновременно с усилением его, казалось, почва под ногами медленно вздымалась, а при ослаблении резко опускалась. Похоже было на палубу корабля, идущего среди глубокого волнения.

Вместе с тем, далеко внизу слышались как бы разрывы ручных гранат, заглушенные толщей почвы, и непрерывное бурливое журчание тысяч струй и потоков…

Но что особенно поразило врача, так это духота и влажность, наполнявшие воздух, и почти животная теплота почвы.

Первой мыслью его явилось предположение, что они занесены бурей на огнедышащую гору или, по крайней мере, на вулкан, который скоро начнет извергать лаву. Впрочем, других мыслей и не являлось. Слишком вероятным казалось первое предположение. Немного смущала лишь жирная влажность почвы, но, может быть, это вулканическая грязь? Может быть. Врач не знал, ибо не мог ничего различить даже у самого своего носа из-за абсолютной тьмы.

Так и не раскрыв истины, он заснул рядом со своим товарищем, на этот раз не нуждаясь ни в каких одеялах и подстилках……

Крепко спит Николка. Еще крепче Скальпель. Но после столь тревожно протекшего дня их головы не свободны от сновидений. Оба они видят сны. Сон врача неинтересен, потому что действие в нем вращается исключительно вокруг медицины и бактериоскопического исследования. Другое дело — Николка. Его сон куда занятней!..

Будто он снова в училище. Вернулся из мира малых величин и спешит поделиться со своими товарищами пережитыми приключениями и приобретенными знаниями. Встречают его Сашка Вертинос, Миха Арциви и Вано Сванидзе — лучшие друзья, и встречают, надо сказать, необыкновенно странно: оглушительным ревом… Ничего не говорят, только ревут, приседая на корточки, подобно китайцам… Николка старается их перекричать — удивлен и недоумевает: больны ли они, или чего объелись? Спрашивает: в чем дело?

…Ревут… А Сашка Вертинос как прыгнет, да как цапнет

Николку за ногу!.. Уронил на пол, волоком потащил в общую мастерскую… Так по полу прямо и тащит!.. Что тут поделаешь, когда от рева не слышно Николкиных слов?.. Хватается Николка руками за колеса, привода, станки; режет руки, начинает сердиться, ругается… — ничего не помогает… Кругом рев и смех: таскает Вертинос Николку за ногу, таскает, как бешеный…

— Ерунда! — соображает во сне Николка. — Паршивый сон. Нужно проснуться…

И просыпается…

Если во сне ему не было страшно, то явь заставляет дыбиться волосы.

Ревут не Сванидзе с Арциви да Вертиносом, ревет страшное, волосатое животное, которое зацепило когтистой лапой спящих приятелей за канат и теперь тащит по неровной почве, призывая кого-то пронзительно и дико… Еще ревет Скальпель, со сна ничего не понимая… Но его рев, как жалкий писк, тонет в резких густых тонах животного…

Не проснувшись, как следует, Николка соображает, что ночной гость нечаянно зацепил их лапою. Нет ему смысла связываться с существами, ростом не достигающими величины его когтя. Первым движением Николки было развязать на себе петлю каната, вторым — подняться и успокоить Скальпеля, вслед за ним отцепившегося от страшной лапы, но продолжающего валяться в стенаниях…

Животное, пробежав несколько шагов, вдруг резко повернулось, к чему-то прислушиваясь, и предстало перед друзьями во всей своей неземной прелести. Оно обладало громадным ростом, правда, меньше мухи и даже комара, однако вполне достаточным, чтобы внушить тихий ужас. Похожее на черепаху и на рака в то же время, оно имело черную бороду на белой коже, два членистых, беспокойно дергавшихся рога и шесть штук мохнатых лап, вооруженных саженными когтями. Из заостренной морды, окруженной синим сиянием, высовывался, наподобие жала, длинный твердый язык. Сияние бросало яркий свет на окрестности и на остолбеневших чужестранцев.

Первым пришел в себя Скальпель.

— Бежим!..

Напрасно. Надо было стоять. Теперь животное заметило их. Переваливаясь неуклюже и тяжело волоча грузный зад, оно пустилось вдогонку с тем же жалобным ревом на устах.

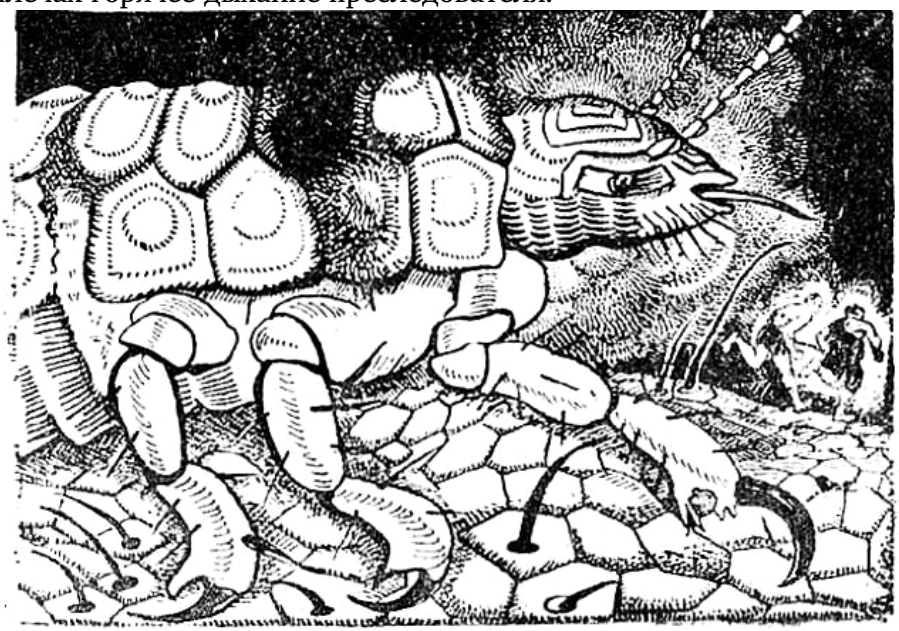
И беглецам, и преследователю бежать мешала саблеобразная растительность, низко склоненная к скользкой, жирной почве. Первых она заставляла то и дело пригибаться, второго — цепляться длинными когтями. Впрочем, у животного было

преимущество: каждый его шаг равнялся десятку шагов приятелей. К тому же их ноги скользили, не имея твердой опоры. Николка мог бы еще удрать, но близорукий врач мало того, что беспрестанно падал без видимых причин, еще путался в канате, привязанном к его чреслам.

— Бегите, — наконец махнул он рукой, совершенно обессилев.

— Дудки! — отвечал Николка, подхватывая его под мышку.

— Бросьте меня! Спасайтесь! — умолял врач, чувствуя на плечах горячее дыхание преследователя.



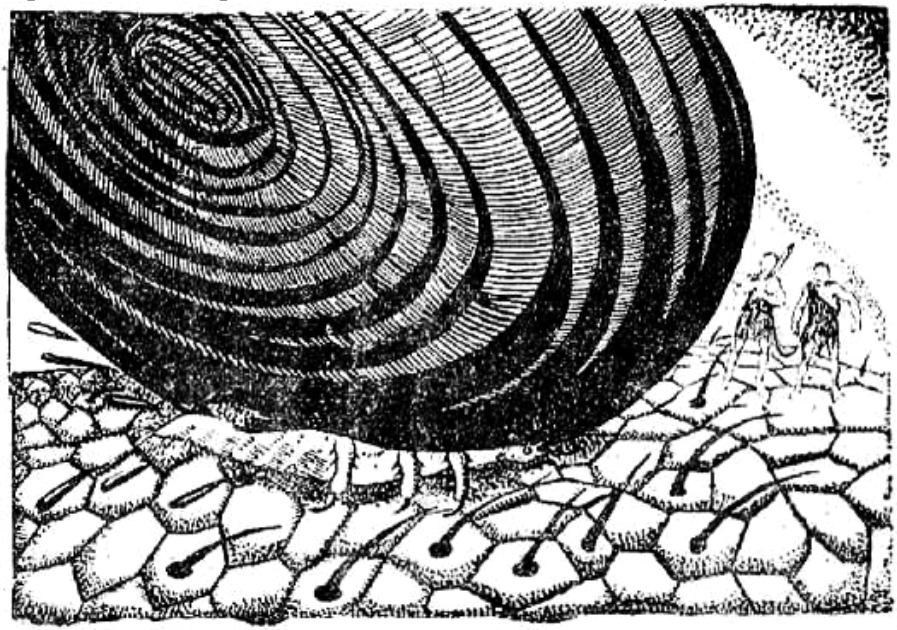
…Животное пустилось вдогонку.

Николка продолжал упорствовать, а когда увидел, что это бесполезно, остановился в отчаянной решимости, повернувшись к врачу лицом и приняв воинственную позу.

К его счастию, до драки дело не дошло. Животному оставалось сделать один единственный шаг, чтобы раздавить беглецов, — в это время… его самого раздавили… Будто небо обрушилось на его голову. Приятели покатились оглушенные и ослепленные вонючей жидкостью, брызнувшей из размозженного тела животного. Падая, они заметили, что «небо» имело бороздчатое строение и розовый цвет. Потом оно так же внезапно исчезло, как и появилось, оставив вместо себя кляксу на почве и лужу бурой крови.

Погасло синее сияние, снова спустилась тьма. Только

равномерный гул да разрывы ручных гранат далеко под почвой показывали приятелям, что они не переселились в царство теней, а продолжают здравствовать, хотя и сильно контуженные.



…Будто небо обрушилось на голову животного.

— Спать… Спать… — простонал Скальпель.

— Спать… Спать… — как эхо отозвался Николка. Сон — лучший целитель и душевных, и телесных ран.

7. — Скальпель благодушествует и немного недоумевает. — Встреча со спириллой открывает глаза на загадочный мир. — Николка подслушивает индукцию врача. — Врач ведет самостоятельное исследование и попадает в яму. — Приятели в сальном протоке. — Николка по милости врача становится людоедом. — Хозяин проснулся!.

Первым проснулся врач. Проснулся от острого чувства голода. Вообще же, как это ни странно, он чувствовал себя превосходно. Разве это не он с верным другом Николкой подвергался вчера неоднократно смертельным опасностям, падениям, сотрясениям, ушибам? Конечно, он; но как-то не верилось… Если бы все это происходило в миру больших величин, в нормальном миру, то от таких «американских» трюков несдобровать любой голове, — пускай даже голове наипремированного кинематографического трюкиста… А его голова положительно без одной шишки! То есть, никакого намека… Он бы дал ее на отсечение, если бы какой эксперт нашел на ней самые незначительные следы вчерашних переделок. Что эксперт?! Можно рискнуть на целый консилиум из профессуры всего мира! Пускай ищут! Ха-ха-ха!.. Вот что значит: обладать размерами существа невидимого!..

Скальпель пребывал в благодушнейшем настроении, с любовью поглаживая свою начинающую лысеть голову, с лукавым добродушием поглядывая на диковинный мир. Этот мир, между прочим, сильно смущал его в настоящую минуту. И было чем.

Не говоря о характере почвы и воздуха, о подземных звуках, никак не вмещавшихся в эрудицию Скальпеля, — и вся остальная обстановка была из ряда вон выходящей!..

Например, небо. Где это видано, чтобы небеса зияли четырехугольными провалами, через которые теперь снопами

лился синий свет? А само строение их? Ведь они состоят из переплетенных между собой балок (?), эластичных и бесконечных, колеблющихся в такт подземному гулу! И простирается оно, небо, на высоте каких-нибудь десяти-пятнадцати сажен; а если прикинуть на глаз нормального человека, то самое большее на $^1/_{20}$ часть сантиметра…

— Поразительно! Изумительно!..

От «небес» недоумевающий врач перевел глаза под ноги. И совсем растерялся…

Нет, это непостижимо!.. Неужели бесконечные падения отразились на его зрении? Или на мозгу? — в лобной части помещаются зрительные центры. Нет. Насколько помнится, лбом ему еще не приходилось преодолевать препятствий. Нужно думать, что зрительные центры в порядке… Вот задача!..

Почва состояла из прозрачных, как бы роговых, многогранных плит, плотно пригнанных друг к другу и обильно смазанных жиром; почти на каждую плиту приходилась одна бамбукообразная былинка, которая, если бы стояла прямо, превосходила бы врача своей длиной в три раза; но все былинки почти лежали на земле, точно ураган пронесся недавно и смял их.

— Ни-че-го не понимаю! — беспрестанно восклицал врач, бредя все дальше и дальше — к тому месту, где столь удачно обрушилось в свое время «небо»; и набрел наконец на раздавленное животное, плавающее в лужах собственной крови.

Новое зрелище породило новую растерянность.

— Ни-че-го не понимаю!..

И лишь когда Скальпель залез случайно в одну из кровавых луж и обнаружил в ней новое животное, похожее на безглавого удава, которое извивалось судорожно в предсмертной агонии, — только тогда внезапное просветление осенило его…

— Ба!.. Да ведь это — спирилла!.. Спирилла, вызывающая у человека возвратный тиф… А так как она может жить только в двух организмах, в человеческом и… вшином, то… враг, преследовавший нас вчера — самая настоящая платяная вошь! И то, что обрушилось на нее, не что иное, как палец! Ха-ха-ха!.. Значит, мы находимся на коже человека!.. Вот дуракус! Не сообразил сразу… Конечно, конечно; теперь все ясно… Подземный гул — это работа сердца, журчание крови в сосудах, деятельность легких… Плитообразность почвы — не что иное, как клетки покровного эпителия; бамбук — пушок, покрывающий кожу; небо — полотняная рубаха… Ха-ха-ха!.. Товарищ Даниленко! Товарищ Даниленко!..

— Ба! Да ведь то спирилла! Спирилла возвратного тифа.

Нужно сказать, что Скальпель свои мысли привык всегда облекать в слова и делать общественным достоянием, т. е. выражать вслух, вне всякой зависимости от наличия слушателей; а Николка, давно проснувшийся и не любивший без острой надобности покидать лежачее положение, наблюдал за ним еще с того момента, когда он благодушно поглаживал лысинку. Страшная обстановка смущала Николку не менее врача, а самое главное — мешала ему снова погрузиться в сладкий сон. Последнее было досадней всего, ибо мягкая и теплая почва, однообразный и ритмичный, как стихотворение старого поэта, гул, отсутствие пыли и ветра действовали как нельзя более усыпляюще… Теперь, когда врач, просветленный встречей со спириллою, просветил невольно и его, можно было закрыть глаза и с чистым сердцем использовать удобный момент, столь редко встречающийся в этом миру.

— Товарищ Даниленко! Даниленко, э-гой!.. Знаете, где мы находимся?..

Еще бы не знать! Николка превосходно знал это, но не любил два раза выслушивать одно и то же.

Не получив никакого отклика, врач, однако, не расхолодился, а с прежним исследовательским пылом направил свои стопы в другую сторону, туда, где почва круто поднималась, увенчанная, как казалось, бором тысячелетней давности.

— Это, конечно, кожная растительность, — сказал он и тем не менее решил ее исследовать, имея тайную надежду найти там что-нибудь съедобное.

В одном месте, у подошвы бора, на холме «небо» почти

соприкасалось с «землею». Этот пункт мог послужить хорошим окном в потусторонний мир. Врач скоро достиг его. Не стоило больших трудов подтянуться на руках и пролезть в четырехугольный провал.

Собственно, ничего нового и интересного в «заоблачном» мире не оказалось: та же падающая пыль, буреносный ветер и сине-фиолетовое небо. Но врач имел способность в старом отыскивать новое и везде находить материал для просветительной деятельности. И здесь он нашел его: над «небом», иначе, над рубашкой, воздух искрился мелкими прозрачными шариками; это был туман, сырость, характеризующие плохо вентилируемую комнату.

«Вот где гигиена плачет», — с профессиональной скорбью подумал врач, прыгая вниз в твердом намерении немедля призвать друга к «окну» и прочесть ему утреннюю лекцию.

Лекция, однако, не состоялась.

Слишком резко повернувшись в ту сторону, где остался Николка, и в просветительном энтузиазме не заметив рядом большой ямы с обрывистыми жирными краями, Скальпель скатился вниз, как на лыжах, бережно храня на устах улыбку, предназначенную для друга. Все-таки он успел что-то крикнуть. В этом было его счастье.

Николка вовремя проснулся, как раз в тот момент, когда врач, взмахнув руками, скрылся из его поля зрения.

То была крайне неприятная минута для пробудившегося ленивца: потерять врача значило потерять не только хорошего товарища. Навсегда утратить надежду на прекращение «физиологического опыта», а следовательно, и на возвращение в нормальное состояние — вот что это значило.

Немудрено, что Николка понесся, урагану подобный, на предательский холм…

Здесь ему преградила дорогу яма. Она была настолько широка, что прыгать через нее не рискнул бы лучший прыгун. Николку больше интересовала глубина ее; но как это узнать, когда края ямы походили на гладко отполированный лед?.. Заглянуть внутрь представлялось делом невыполнимым. Оставалось одно: зычно окликнуть друга…

Последовал ответ, из которого явствовало прежде всего, что обладатель голоса пребывал в полном здравии, хотя и находился отменно глубоко. Ответ радушно приглашал спуститься вниз…

— Но как спуститься?!

Из тьмы долетело:

— Сядьте, друг мой, у края и оттолкнитесь. Остальное предоставьте инерции…

Сильное желание лицезреть невозмутимо-благодушную физиономию ученого друга недолго боролось с опасением разбиться при падении.

«В конце концов, есть у него голова на плечах! — резонно подумал Николка. — Он знает, куда приглашает!»

Через три-четыре секунды приятели имели удовольствие обняться, что и сделали с большим чувством, как после многолетней разлуки.

Николка не разбился и даже не ушибся: дно ямы заполнял теплый, упругий жир. Упав на него, он раза три подскочил вверх, прежде чем окончательно занял позицию подле Скальпеля. Жир облепил его с головы до пят.

— Не трудитесь, друг мой, чиститься, — посоветовал врач, держа перед собой прозрачный шар, похожий на круглый бычачий пузырь, и с чавканьем высасывая из него какую-то жидкость.

Действительно, Николке удалось очистить только самые необходимые для жизни органы: рот, нос и глаза. На всей остальной поверхности тела толстым слоем остался лежать жировой налет.

— Знаете, где мы находимся? — не утерпел доктор.

— Знаю, знаю, доктор, — неприятно разочаровал его Николка, желудок которого поднял беспокойную возню. — Вот скажите-ка, что это вы кушаете?

— Вы знаете?!.. Впрочем… соловья баснями не кормят. Хотите закусить? — Он предупредительно запустил руку под себя, в толщу жидкого жира, и извлек оттуда второй прозрачный шар.

— Вот, пожалуйста. Прорвите оболочку и пейте… Здесь можно хорошо поправиться…

Николка подозрительно повертел шар в руках, проткнул его пальцем и понюхал.

— Гадость, доктор! Что это такое?..

— Физиологию читали? — спросил врач, не прерывая своего занятия.

— Ну!.. И вы…?!

— Да. Это человеческое сало, если хотите. Но что поделаешь, голод — не тетка!..

— Я не буду есть этой дряни!.. — Николка сердито отшвырнул шар. — Что я: людоед, что ли, какой?..

— Напрасно, — пожурил врач, — больше вы ничего здесь не найдете… А жирок, уверяю вас, вкусный.

Не кончив первого шара, Скальпель полез за вторым: ему на самом деле нравилось новое кушанье.

— Знаете, ведь человеческий жир — идеальный продукт: он

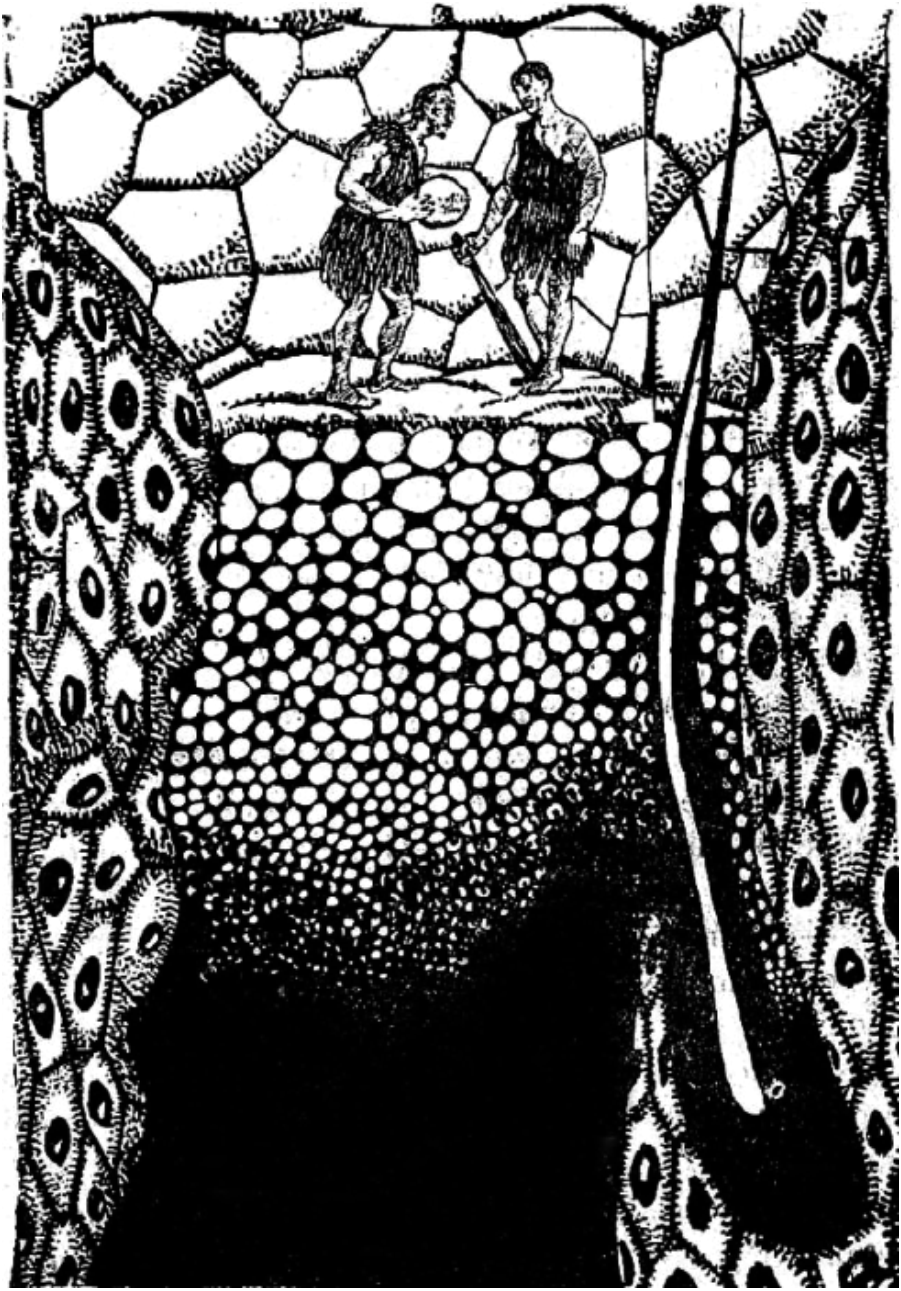
не требует над собой работы желудка; целиком всасывается и откладывается в организме… Бросьте ломаться, кушайте…

Николка поднял шар, осмотрел его со всех сторон и снова бросил с тяжелым вздохом:

— Нет, убейте — не могу!

И насупился, так как его желудок держался противного мнения.

— Хотите, повторим маленький кусочек из физиологии? — невинно предложил врач, словно не замечая всей трагедии друга, а в то же время от полной души желая ему победы над предвзятым отвращением.



Вот, пожалуйста, прорвите оболочку и пейте…

— Хотите, повторим?..

Николка понял, что врач хочет дать ему время оправиться, и быстро согласился:

— Хочу.

— Мы находимся сейчас с вами в отверстии сального канала или протока, как его еще называют. Таких отверстий на коже человека имеется бесчисленное множество; они разбросаны по всей ее поверхности, за исключением ладоней и подошв ног. Там их нет… Каждый, проток идет глубоко внутрь, впрочем, дальше границ кожи не заходит, и оканчивается сальной или жировой железой, которая, как показывает ее название, вырабатывает жир. Этот жир сначала выходит из железы в виде вот этих шариков, так называемых жировых клеток. Поднимаясь вверх, клетки постепенно растут и наконец, достигнув известного уровня, лопаются. Из них вытекает жидкий жир. Его назначение — смазывать кожу в целях предохранения ее от растрескивания и для придания ей эластичности…

Николка между тем снова поднял противный его сердцу шар и с пристальным вниманием рассматривал его.

— Обыкновенно сальные протоки выходят на поверхность кожи вместе с волосками или с пухом. Каждое отверстие имеет в себе один волосок. Вот, между прочим, и в нашем протоке растет такой… (Врач указал на короткое и острое бревнышко, находящееся у периферии ямы. Николка посмотрел туда и в то же время незаметно поднес шар ко рту, как бы нюхая его)… Там, внизу, где мы повстречались с тем страшным животным… Вы знаете, кто это был?..

— Угу… — Николка не успел проглотить и сконфузился. Врач немедленно отвернулся.

— Да. Это была вошь… Так вот. Внизу кожа покрыта пушком, который едва заметен для глаза нормального человека, а нам представляется в виде длинных сабель. Вы видели, что вокруг каждой такой сабли имеется круглое отверстие; это — тоже сальный проток; наш — значительно больше его, и это потому, что он открывается вместе с настоящим волосом, а не с пухом…

— А на какой части тела мы находимся? — спросил Николка, уже значительно подкрепившийся и восстановивший поэтому интерес к внешнему миру.

— Мы находимся на груди. На груди человека, который, по всей вероятности, спит, лежа на спине… Теперь вы хотите спросить, как я это узнал?.. (Николка совсем не имел такого намерения, ибо, запустив руку под себя, тянул второй шар). А вот как. Прежде всего, этот подземный гул производят легкие и сердце. Как вам известно, их лучше всего выслушивать — у больного, к примеру, человека — спереди, т. е. на груди. И затем: если бы мы были на спине, то не сидели бы подле такого волоса; на спине имеется лишь пушок… Вот…

Николка залпом выпил содержимое второй клетки,

сморщился и невольно произнес:

— Ну и гадость!..

Врач не выдержал роли и прыснул:

— Ха-ха-ха! Вот и вы приобщились к людоедству!.. Ха-ха-ха!..

Николка не отставал: раз дело сделано, можно и похохотать. «Идеальная» пища и крепко набитые желудки сказались в припадке неудержимого смеха. Необычайность обстановки и засаленный вид приятелей только подливали масло в огонь. Их хохот увеличивался при взгляде друг на друга…

Сальный проток никогда не видал такого веселья. Оно плескалось через края ямы и на целый сантиметр разливалось кругом…

В самый разгар буйного веселья, когда ему оставалось весьма немного, чтобы перейти норму, когда Скальпель катался мячом по яме, захлебываясь и от смеха, и от жира, а Николка дико выплясывал неизвестно что, — оглушительный их хохот вдруг покрылся в тысячу раз более оглушительным ревом… Одновременно поднялась такая канонада («от сокращения мышц», — пояснил перепуганный врач), что уши никакого микроскопического существа не выдержали бы, если бы их не закупоривал жир. Все тело заколебалось… Жировые клетки сорвались и запрыгали, как бешеные.

— Хозяин проснулся, — догадались приятели и поспешили обвязать себя вокруг пояса старым, надежным волокном. Они приготовились не напрасно.

«Хозяин» принял сидячее положение, мощно потянулся, и «гости» бомбой вылетели из сального протока, атакованные по всем направлениям жировыми клетками.

8. — Повторение воздушного трюка. — Бамбуковые заросли. — Экскурсия врача к предкам человека. — Канал потовой железы. — Хозяин гимнастирует. — Скальпель говорит о значении потовых желез. — Николка отравляется углекислотой. — Врач исполняет анекдот в лицах. — Холодный душ. — Последнее пророчество врача. — Встреча с лейкоцитом в потовом канале. — Неравная борьба. — Конец путешествия. — Умилительная картина

— Эка, зажаривает! — успел таки вымолвить крайне довольный Николка, прежде чем его тело стало рисовать в воздухе причудливую ломаную линию.

Его друг — неразлучный, благодаря канату, — описывая и руками, и ногами, и носом те же сложные параболические движения, не выявлял огромной радости по поводу изменившегося положения вещей. Как-никак, возраст Николки обладал перед его возрастом известной привилегией — в смысле более легкой приспособляемости к многообразным случайностям их новой жизни. Эти случайности, пожалуй, даже успели войти в кровь и плоть Николки, словно он их всосал с молоком матери и, кроме истинного удовольствия, ничего другого не доставляли. Скальпель, наоборот, по свойствам своего организма, скорей был склонен к консерватизму; например, он всегда предпочел бы пребывание в мягкой жировой яме тому безрадостному и бесперспективному полету, который они совершали теперь, кувыркаясь, подобно цирковым клоунам, и ударяясь то о дырявое

полотно рубашки, то о волосатую кожу пробудившегося хозяина. Собственно говоря, они снова (который уже раз!) проделывали свой старый, хорошо испытанный воздушный трюк, — разве только с некоторыми вариациями, привнесенными особенностями новой обстановки.

Тут, чтобы читателю не было странным, — как это, совершая столь часто свои необычные полеты, наши приятели до сих пор не сломали себе позвоночника, — необходимо замечание.

Дело в том, что, уменьшившись до размеров микроскопических существ, — существ, перед которыми даже едва заметная солнечная пылинка становилась громадной величиной, — Скальпель и Николка теперь так мало тяготели к земле, приобрели такую легковесность, что незаметные для нормального человека воздушные течения для них являлись мощными колебаниями и токами. Эти токи, исходящие от всех предметов с температурой выше температуры окружающего пространства, поддерживали приятелей при их падениях, ослабляли силу ударов и столкновений и всякое падение превращали почти в плавный, неопасный спуск.

Только исключительные обстоятельства, как например, гимнастика, которой слишком усердно занимался Сванидзе и которая вызывала вихревые колебания воздуха или сквозняк, могли причинить им некоторый вред. И то, падая на какой-либо предмет, они всегда встречали исходивший от него противный ток; последний служил тормозом всякого стремительного полета.

Теперь на пути их полета постоянно становилась полотняная рубашка; она, в конце концов, и приняла их гостеприимно, вернее, поймала одним из многочисленных своих отверстий.

— Стоп! — несколько с опозданием выпалил запыхавшийся врач. — Кажется, на этот раз мы отделались пустяками…

— Если не считать, что вы задели меня ногой по носу, — отвечал Николка, освобождая между тем голову, защемленную меж двумя волокнами и дрыгая в воздухе ногами.

Соединенными усилиями его неудобное положение через минуту было ликвидировано, и Скальпель поспешил принести извинения в своей неловкости, следствием которой явился распухший нос Николки.

Новая их станция находилась в двух шагах от кожи хозяина, который в это время свирепо сотрясался всем телом, совершая утреннее омовение лица. Сквозь рубашку проникал холодный ветер, а от тела, наоборот, несло жаром; и врач предложил перебраться на кожу, «так как сидеть голым меж двух крайних температур не особенно приятно, не говоря уже об опасности для здоровья…»

Они перебрались на кожу, поросшую знакомым уже им «бамбуком» и, найдя уютное, защищенное местечко — «в выходном протоке потовой железы» (пояснение Скальпеля), каждый по-своему отдался отдыху после утомительного полета: врач принялся размышлять вслух, Николка внимал ему безмолвно и изучал окрестности.

— Прежде всего, эти бамбуковые заросли, — говорил врач, — мы их видим не в первый раз. Это — пушок. Здесь он несколько гуще; значит, настоящий участок кожи реже подвергается внешним воздействиям, более защищен. Возможно, что это — спина или бок нашего хозяина. Этот пушок, как нам известно, покрывает кожу человека сплошным покровом, за исключением тех мест, которые служат человеку местами соприкосновения с внешним миром. Таковы: ладони рук, подошвы ног, губы — собственно там, где они окрашены, и другие незначительные поверхности…

— Для чего нужен человеку пух? — перебил Николка, привыкший мыслить, что каждому предмету имеется в природе известное назначение.

— О! Вопрос уместный! — с удовольствием отозвался врач, замечая, что Николка хорошо следит за его речью. — Но в этом случае ваше материалистическое миросозерцание не удовлетворится моим ответом.

Пушок, облекающий человека, как раз не имеет никакого назначения. Вернее, он его утратил. Нельзя же думать, что он защищает человека от охлаждения. Одежда выполняет эту роль в совершенстве… Было время — давненько это было, 2 или 3 миллиона лет тому назад (более точно я не могу высказаться), — когда человек ходил без одежды и не знал благотворного действия огня, тогда этот пух, имевший вид густой шерсти, действительно хорошо противостоял холодам и служил единственным средством защиты человека от ночной свежести или даже от зимних стуж. Но как только человек научился обращению с огнем, стал делать себе жилища и ткать одежду, его волосяной покров, утратив свое значение, стал понемногу редеть и уменьшаться, т. е., как говорят, атрофироваться. Так атрофировались, например, глаза у крота, тысячелетиями привыкшего жить под землей… В настоящее время этот пушок только подтверждает наше предположение о животном происхождении человека. Очевидно, наши предки мало чем отличались от остальных животных, покрытых шерстью, к примеру, от обезьян…

На приятелей пахнуло вдруг холодом — стена, отделявшая их от внешнего мира, — рубашка — исчезла. В отверстие потовой

железы хлынул яркий синий свет; вслед за тем отверстие стало быстро сужаться и чуть не придавило приютившихся в нем.

— Хозяин разделся, — сообразили они, отодвигаясь вглубь канала, в котором сидели.

Поднялся невообразимый шум, треск; усилилось в несколько раз гудение — все это исходило из глубин тела.

— Значит, мы теперь переживаем гимнастику уже не на одеяле, а в самом гимнасте, — сказал врач, — это гораздо интересней…

— А почему закрылось отверстие? — спросил Николка, недовольный внезапным заключением.

— Не беспокойтесь. Скоро откроется… Как только тело разогреется, мы снова увидим свет.

— Значит, оно закрылось, чтобы человек меньше остывал?

— Ну да. Кожа почувствовала холод и сейчас же ответила на это закрытием всех своих вентиляторов, чтобы из тела не выходило наружу тепло…

— Разве этих вентиляторов много?..

— Ого, друг мой, одних потовых каналов насчитывается по всей коже около двух с половиной миллионов… Вообразите себе, что бы было, если бы они все сейчас зияли в наружный холодный воздух!..

Хозяин гимнастировал уже минут десять и совершенно не помышлял о тех неприятностях, которые причинял своим, правда, незваным гостям. Они болтались в потовом канале, как горох в детской погремушке. Наконец снова блеснул свет: отверстие стало расширяться, выпуская накопившееся от мышечных сокращений тепло. Кроме того, из глубины канала потянуло удушливым запахом пота и показался сам пот, горячей струйкой коснувшийся ног несколько помятых друзей.

Пользуясь передышкой, какую устроил себе хозяин перед тем, как начать дыхательную гимнастику, они выбрались из канала и примостились над его отверстием в зарослях пушка. Из покинутого отверстия полился удушливый пот, разливаясь по поверхности кожи и почти немедленно испаряясь.

— Для чего это, доктор? — спросил Николка, указывая на струю пота.

Условия среды ничуть не располагали к сколько-нибудь длительной сообщительности: пронизывающий ветер до боли хлестал продрогших в один миг приятелей, обдавая их в то же время пузырьками сырости; громадные пылинки сыпались, как из рога изобилия, на волосатую кожу; сама кожа морщилась от мышечных сокращений в гигантских волнах, тысячеголосый гул, треск и более чем оглушительное бурление подкожных потоков

создавали мучительную музыку, похожую на шабаш ведьм, как его описывают лучшие композиторы мира… Тем не менее, врач распространился по поводу выделения пота «на целую версту», как про себя отметил пришедший в уныние на середине его лекции Николка.

— Пот — это та же моча, — после минутного и глубокого, в соответствии с важностью предмета, раздумья отвечал врач. — Только пот представляет собой жидкость более разбавленную водой, чем моча. Но назначение у них одно: выводить из организма вредные для него вещества — продукты распада. Вы знаете, что в каждом живом организме идет беспрерывная работа: сердце гонит кровь с питательным материалом по всему телу, во все его закоулки, в каждую клетку; клетки, эти маленькие фабрики, перерабатывают питательный материал, за счет его строят новые клетки, новые ткани и сами питаются им, а отработанные продукты, негодные и вредные, выбрасывают в ту же кровь. Последняя, протекая через почки, отфильтровывает от себя часть этих продуктов (их можно назвать жидкими отбросами тела), образуя тем мочу, а протекая в коже мимо потовых желез, сбывает остальную их часть, образуя пот…

Сейчас наш хозяин усиленно гимнастирует; вследствие этого его сердце работает с большей интенсивностью, щедрее распределяя питательный материал по клеткам тела; клетки, в свою очередь, интенсивней работают — строят новые ткани (отсюда и увеличение мышц от гимнастики), а следовательно, больше выделяют обратно в кровь отбросов… Вот почему при сильных мышечных напряжениях человек, как говорят, потеет; это потовые железы спешат очистить кровь от интенсивно образующихся продуктов распада…

Скальпель кончил и мечтательно уставился на горячую струйку пота, не замечая, что его товарищ, совсем склонившись к потовому отверстию, сидел бледный, как лучший сорт почтовой бумаги, и бессильно болтал головой. Он несколько раз пытался прервать речь доктора, но, видимо, у него не хватало уже сил или энергии. Наконец, глотнув из промчавшегося мимо вихря несколько порций свежего воздуха, он слабым голосом, тихо произнес:

— Доктор, доктор, мне кажется, я умираю…

— Что-о?!

Врач не поверил своим глазам, увидя друга, повисшего в полном бессилии над отверстием канала.

— Ах я, беспамятная курица! — в отчаянии хлопнул он себя по лбу и, рискуя жизнью, так как хозяин приступил к прыжкам, бросился к Николке. Одной рукой цепляясь за пушок, другой

обхватив друга за талию, он оттащил его от таящего смерть канала.

— Ах я, беспамятная курица! Ведь канал, кроме пота, выделяет еще углекислый газ!.. Как можно это забывать?!.. Товарищ Даниленко! Товарищ Даниленко!..

Николка попытался изобразить на лице улыбку, чтобы успокоить взволнованного друга, но вышло как раз обратное: лицо скорчилось в жалкой гримасе, и Скальпель в полной растерянности завопил, безнадежно оглядываясь по сторонам:

— Доктора! Надо доктора!..

Вышло так, что он повторил старый анекдот, но ему было не до анекдотов. В этот миг он совершенно забыл о своей профессии и без толку суетился вокруг Николки, как наседка, у которой кошка задрала лучшего питомца.

Трагикомичная выходка врача дошла до слабого сознания Николки и, казалось, произвела на него целебное действие: он наконец справился со своей слабостью и улыбнулся по-настоящему. Конечно, истинной причиной тому послужил свежий воздух и отсутствие поддерживающего отравление газа.

Через пару-другую минут от отравления не осталось и следа. Естественно, что Николка, как только к нему вернулись мыслительные способности, поинтересовался причиной своего внезапного болезненного состояния.

— Надо вам сказать, мой друг, — торжественно, как никогда, заговорил врач, воскресший одновременно с Николкой, — надо вам сказать, что через потовые железы происходит не только очищение крови от переработанных веществ. Вы должны знать, что человек, кроме легких, дышит также кожей… Да, да! Кожей… И в последней эти дыхательные функции принадлежат тем же потовым железам. В общем, за сутки человек поглощает и выделяет кожей $^{1}/_{200}$ часть того количества воздуха, какое он пропускает за то же время через легкие. Процесс дыхания одинаков и в том, и в другом случае. Поглощается, как кожей, так и легкими, газ — кислород, а выделяется углекислота или углекислый газ… Углекислый газ совершенно не поддерживает жизни; больше того: в нем задыхается всякое живое существо… Нужно ли приводить примеры, когда вы сами чуть-чуть не стали ярким примером дурных свойств углекислого газа?..

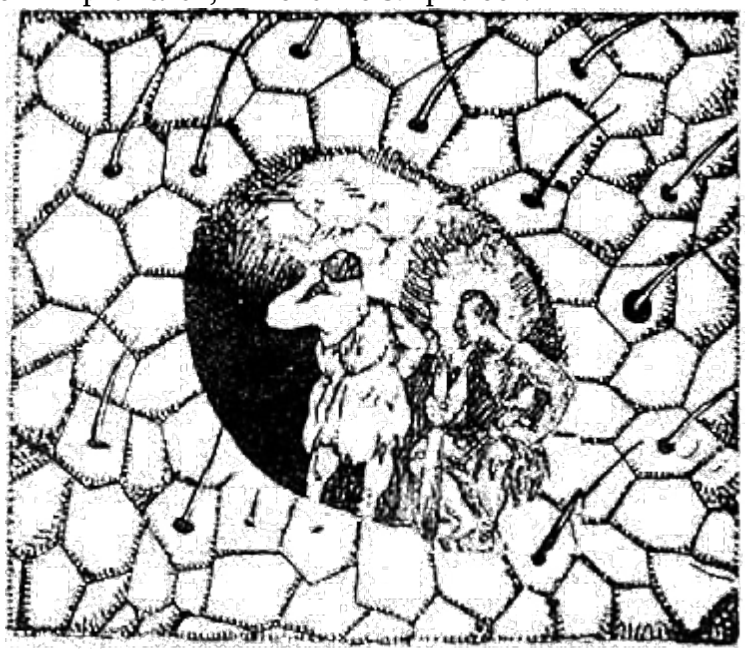
— Да, примеры не нужны, — согласился Николка.

— Вот… — врач хотел прочесть новое нравоучение, но в ту самую минуту, когда он предусмотрительно запасался для этого воздухом, на их головы упал мгновенный и проливной, как из ведра, дождь…

Так оно и было: это хозяин после гимнастики облил себя из

ведра.

Возмущенные до глубины самой последней клеточки организма и содрогаясь от пронизывающего холода, приятели опрометью бросились к потовому каналу, не дожидаясь весьма возможного повторения душа. Действительно, за первой порцией его последовала немедленно вторая и третья. Отверстие канала, пропустив приятелей, мгновенно закрылось.



В отверстии потового канала.

— Не задохнемся, доктор? — взволновался Николка, слишком ярко помня свое отравление.

Врач, пасмурный, как грозовая туча, отвечал отрывисто:

— Нет; только не нужно ложиться. Углекислый газ тяжелее воздуха. Поэтому он стелется по дну канала… Впрочем, отверстие должно сейчас открыться… И вы увидите тогда, как оживет кожа после холодного обливания…

С последними словами его глаза утратили мрачную дымку: последовательный до конца медик победил разгневанного человека.

— Холодный душ после гимнастики — великолепное средство для здоровья. Обливайтесь каждый день по утрам, и вы будете здоровы, как буйвол…

— Он тоже обливается? — пошутил Николка.

— Кто? — не понял фразы врач, а поняв, обиделся:

— Не говорите ерунды… Буйвола я вам в качестве образного сравнения привел…

Но им так и не пришлось увидеть благотворного влияния душа на кожу. Отверстие не открывалось, хотя шумный ливень давно прекратился. Дышать внутри темного и узкого канала становилось трудно. Николка недоверчиво поглядывал на своего ученого товарища.

— Почему не открывается?

— Боюсь, — отвечал тот с тревогой в голосе, — что хозяин наш без рубашки вышел на двор. Внешний холод поддерживает сокращение канала. Возможно, что нам скоро придется продвинуться глубже.

Врач опять оказался пророком, и на этот раз зловещим: он изрек свое последнее пророчество.

Хозяин, действительно, не одеваясь, покинул комнату, чтобы на вольном воздухе заняться с гимнастическими приборами. Температура осеннего морозного утра была настолько низка, что потовой канал, вместо того, чтобы открыться, сам стал быстро сужаться по всей своей длине — от отверстия внутрь. Приятели бежали вглубь кожи, едва опережая его сокращение и из-за тесноты плотно прижавшись друг к другу…

Воздух все более насыщался духотой и, хуже всего, под ногами заплескался едкий, горячий пот. Он попадал на лицо, в рот, жег кожу и вызывал тошноту…

Каждая секунда казалась мучительной вечностью…

Внезапно канал сделал крутой поворот вниз и значительно расширился. Здесь легче дышалось. Беглецы остановились, чтобы перевести дыхание. Исследовав стенки канала, они с огромной радостью убедились в их неподвижности: сокращение прекратилось.

— Я хочу на свежий воздух, — тотчас же заявил Николка, совершенно не считаясь с неосуществимостью своего желания. Врач молчал, чутко прислушиваясь к чему-то. Его обостренный за счет зрения слух улавливал грузный шорох сзади.

Приятели бежали вглубь, едва опережая сокращение.

— Кто это, доктор? — спросил Николка, крепко сжимая дубинку, когда шорох достиг его ушей.

— Тише, друг, — шепотом отвечал врач. — Боюсь, что это лейкоцит…

— Белый кровяной шарик? — полувопросом отозвался Николка, главным образом для того, чтобы хвастнуть своими знаниями. Он не учитывал опасности положения и встречу с «шариком» готов был считать за развлечение.

Вместо ответа врач потянул его за собой в следующий изгиб канала и только здесь, когда подозрительный шорох затих, с непонятной для друга тревогой ответил:

— Вы знаете, лейкоциты или белые кровяные шарики обыкновенно живут в крови. Но, узнав о присутствии в теле инородных существ, немедленно покидают кровь и направляются к смельчаку, осмелившемуся переступить границы тела, чтобы…

— Он может нас слопать, — понял Николка, — как лопает бактерий, забравшихся в кровь?

— Может, — сказал врач и снова повлек за собой друга.

Грузное ворочанье внезапно раздалось в двух-трех шагах…

— «Он» не один!..

Приятели пустились наутек по извилистому ходу канала, обливаясь и собственным, и чужим потом, скользя и падая. Врач заразил-таки тревогой беспечного друга.

Через некоторое время они остановились вопреки своему желанию: канал круто обрывался вниз. Преследование затихло, но это не значило, что оно прекратилось. Однако, так или иначе, приходилось бездействовать и ждать, сидя в неизвестности на краю глубокого обрыва.

— Как могли узнать о нашем присутствии? — пользуясь передышкой, поспешил разрешить свое недоумение Николка.

Скальпель безнадежно, горько рассмеялся.

— Э… э… друг мой, в теле человека связь поставлена блестяще! Все тело, в том числе и наш канал, пронизано сетью нервов. По этим нервам сообщено в центр — в мозг — о нашей интервенции…

— Кто сообщил?

— Сами мы сообщили: бежим, раздражаем ногами нервные окончания, раздражение доходит до мозга, мозг и посылает свою армию — лейкоцитов…

В черной пропасти под ногами вдруг что-то зашевелилось, заворочалось… Не дожидаясь появления нового лейкоцита, что следовало предполагать, приятели с упавшим сердцем прервали разговор и кинулись обратно, по старой дороге, то есть навстречу первому преследователю.

— Давайте пробьемся вперед, — на бегу предложил Николка, воинственно размахивая дубинкой.

— Давайте, — не особенно решительно согласился врач. — Но… вспомните амебу… Мы будем иметь подобного ей врага.

— Кто бы он ни был! Даешь — и больше ничего! — Николка бодрился, хорошо сознавая, что, может быть, доживает последние минутки.

Первый лейкоцит давно приготовился к бою. Он выбрал наиболее узкий проход, загородил его расплывшимся телом и спокойно ждал. Ждал, когда второй лейкоцит пригонит интервентов в его объятия. При синем свете, исходившем из его центра, приятели разглядели, с кем им предстояло сражаться. Это был бесформенный кусок теста, выпускающий липкие щупальца из любой части своего тела.

Николка нерешительно остановился; сердце барабанило, как

подгулявший барабанщик.

— Что же делать? — полный безысходной тоски, спросил он и оглянулся. Врач в двух шагах от него, подобный мраморному изваянию, молчал, таинственно-хитро приложив палец к губам. Сзади на него неотвратимо надвигалась вторая бесформенная масса.

Сначала Николке почудилось жуткое: врач сошел с ума, не выдержав ужаса положения. Потом… потом, задрожав от стихийно развернувшейся надежды, он сообразил и закричал срывающимся голосом:

— Скорей! Скорей прекратите свой опыт!.. Ведь это только опыт, не правда ли?..

Должно быть, Скальпель ничего не успел предпринять: в следующее же мгновение на него навалилась тестообразная масса, и он сразу скрылся, не сказав ни слова. Один только раз болтнулась в воздухе нога…

— А-а а!.. Та-а-ак? — в бешенстве зарычал Николка. — Та-ак? Ну, мы еще поборемся!!..

Вихрем метнулся он на своего врага, загородившего выход. С силой безумного отчаяния заработала дубинка, хлеща и раздирая тестообразное тело… И хотя дышать было нечем, Николка ревел, не переставая, как разъяренный буйвол…

Мы еще поборемся!..

Задний лейкоцит, переваривая жертву, не двигался с места. Николка оглянулся на него и с новой надеждой удесятерил стремительность и свирепость атаки.

— А-а-а!.. Та-ак! Вре-ешь, я человек, а не тесто!.. Я тебе покажу, мерзкий студень! Я тебе покажу, как жрать человеков!..

Он нисколько не изумился, когда истерзанный, оглушенный лейкоцит вдруг втянул в себя свои щупальца, собрался в комок и униженно прижался к одной из стенок канала.

— Ага! Получил! Струсил!.. — торжествовал Николка, нанося последний, самый тяжелый удар, от которого свернувшийся в комок враг распался надвое…

Теперь ему нужно было бежать: проход освободился. Но он вспомнил о враче. Может быть, Скальпель еще жив? Может быть, удастся спасти его?.. Окрыленный легкой победой, он напал на второго лейкоцита с той же сокрушительной стремительностью.

— Отдавай сюда Скальпеля! Отдавай, негодяй!! — ревел он, тыча в него дубинкой.

— Отдавай, несчастное, прокисшее тесто!!..

Очень вероятно, что ему удалось бы вырвать своего друга из безграничной пасти животного. Вырвать, если не живым, то мертвым: лейкоцит уже собирался изрыгнуть его, из-за перегрузки не имея свободы движений. Но… Николка напрасно мнил, что его первый враг уничтожен… Распавшийся надвое лейкоцит не погиб, а образовал два новых существа. И эти оба, подкравшись неслышно сзади, одновременно сжали его с двух сторон. Сжали холодным и могучим объятьем, от которого спасения не было…

Нападение произошло так неожиданно, что Николка в полной растерянности и в диком ужасе завопил, потеряв способность рассуждать:

— Караул! Помогите! Кара…

Последний слог оборвался, чтобы никогда не быть произнесенным.

Исчезло все. Мрак, безмолвие и одуряющая духота со всех сторон стиснули трепетавшее в судорогах тело несчастного путешественника по миру малых величин…

Впрочем, еще один раз ему удалось на мгновение освободить голову.

— Помо… — глухо прозвучало в последний раз.

* * *

Вано Сванидзе вздрогнул и проснулся… Да! Так и есть: его сожитель с кем-то боролся!..

Нащупав под подушкой неразлучный кинжал, Вано зажег свет и… и жестоко разочаровался.

Змеей извиваясь по койке, в одежде и сапогах, метался Николка, имея на голове тяжелую подушку. Но он был один, никто его не душил…

— Кацо, эй, кацо! Зачем кричишь?

— А… брр… — дрожал Николка, не желая возвращаться из

потустороннего мира и свирепо тиская подушку.

Вано соскочил с кровати и не без труда отнял у друга воображаемого врага. Электрический свет упал на глаза.

— Где враг? Где враг? — вскочил Николка в диком возбуждении. И вдруг… все понял. Уставился мутными от кошмара глазами на рассыпавшегося хохотом Сванидзе, потом перевел взгляд на столик, где покоилась «Анатомия и физиология», и наконец сам залился радостным звонким смехом…

Если бы кто-нибудь заглянул в это время в квартиру фабзавуков, он увидел бы умилительную картину: сожители, сидя друг против друга, каждый на своей койке, без удержа хохотали, не говоря лишних слов и не объясняя причины смеха.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЕ • ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т. п.

SALAMANDRA P.V.V.